

A man with dark hair and intense blue eyes is positioned behind a woman with long blonde hair and blue eyes. He is looking directly at the camera with a serious expression, while she looks slightly away. His hand is gently resting on her neck. The background is a brick wall with glowing orange neon light tubes.

РАЙ *из* АДА

ДИАНА КРАВЦ

Диана Кравц

Рай из Ада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74213743

Аннотация

Бостон. Престижная клиника. Практика, которая должна была стать началом блестящей карьеры. Вот только у судьбы другие планы... Среди пациентов – он. Тот, чье имя не сходит с первых полос: «Хладнокровный убийца, отправивший на тот свет семь человек». Официальный диагноз в карте – ложь. Молчание. Ледяной взгляд. Абсолютный контроль. Он играет роль и делает это блестяще. Но зачем? Чем ближе Доминика подбирается к сути, тем больше ей хочется верить ему. Даже когда данные карты пациента говорят об обратном. Даже когда каждая клетка тела кричит: «Беги!». Он – ад в человеческом обличии. Один шаг навстречу и он поглотит ее. Без остатка. Без права на спасение. #ложь_и_правда #тайна_прошлого #опасный_пациент #запретное_влечение #гронь_ее_и_ты_труп #эмоции_на_границе_безумия

Книга участвует в литмобе «Любовь под прицелом»

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	49
Глава 5	65
Глава 6	82
Глава 7	99
Глава 8	113
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Пролог

После посещения нижнего этажа еле собралась с мыслями. Иду по коридору, уткнувшись взглядом в пол, пытаюсь вытеснить из памяти пронзительно-синие глаза Крейда, как вдруг со стороны главного входа доносятся крики и резкие хлопки выстрелов. Сначала не понимаю, что происходит. Но когда выглядываю из-за угла, передо мной открывается жуткая картина: у стойки регистрации стоят люди в черных масках, с автоматами в руках.

Застываю на месте, будто выросла в пол. Даже дышать перестаю. Тело совершенно не слушается, пока прямо передо мной на пол не падает дежурный медбрат, в которого выстрелили. Его кровь растекается по плитке в точности как это показывают в фильмах.

Меня будто окатили ледяной водой. Инстинктивно прикрываю рот ладонью, но уже поздно – мой вскрик раздается в тишине, и люди в масках начинают стрелять в пустоту. Пули летят мимо, и я сразу же срываюсь с места.

Длинный коридор тянется как тоннель, ноги подкашиваются, но я бегу, не оглядываясь. Выстрелы гремят за спиной, голоса срываются на крики.

Когда понимаю, что дальше бежать бессмысленно, кидаюсь в первую попавшуюся дверь – оказывается, это крохотная коморка для хранения бытовой химии.

Вжимаюсь в угол, прижав колени к груди, ладонь так сильно стискивает рот, что губы немеют. Сердце колотится будто сейчас разорвет грудную клетку, в ушах стоит оглушительный звон.

Что за чертовщина здесь творится?

Вдруг дверь с грохотом распахивается. На пороге мужчина в маске, автомат наготове. Рукой по-прежнему зажимаю рот, словно это может сделать меня невидимой.

Это конец?

– Я нашел ее! – мужской голос гремит по коридору, и в следующее мгновение он уже около меня.

Не успеваю даже вскрикнуть, как железная рука вцепилась в мои волосы и резко выдернула из коморки. Слепляющий свет коридора бьет по глазам, и тут же второй мужчина хватает меня за локоть. Слезы текут ручьем, но ни единого звука не вырывается. Один ведет меня под локоть, а другой идет сзади, тыча автоматом в спину.

Это не может так закончиться!

Собрав всю волю в кулак, резко дергаюсь и со всей силы бью локтем в бок ведущему меня ублюдку.

– Сука! – орет он, сгибаясь от боли.

Бежать бесполезно – пристрелят на месте. Инстинктивно тянусь к автомату, но сразу же чья-то ладонь с размаху врезала мне по лицу. Удар настолько сильный, что отлетаю на полметра, прикусив язык. Во рту тут же появляется металлический привкус крови. Левая часть лица онемела.

– Ты только посмотри, какая резвая сука! – усмехнулся тот, что шел сзади и ударил.

– И не говори, – проворчал второй, потирая бок. – Я бы трахнул ее, ничего такая!

– Сначала отведем ее к нему. Видимо, не один ты клюнул на эту цыпу и ее жопу.

Ублюдки подхватили меня с двух сторон и почти понесли по коридору, мои ноги едва касаются пола. Слез больше нет – только ледяное оцепенение. Где-то в глубине души я уже смирилась с тем, что это конец.

Они подтащили меня к кабинету для сеансов, дверь распахнулась, и следом втолкнули внутрь.

– Еле нашли ее, – пробормотал недовольно один из них.

Медленно поднимаю голову и в тот же миг мой мир перестает существовать. Сердце, кажется, замерло. Передо мной стоит Зайен. Сначала он смерил меня насмешливым взглядом, но через секунду, когда остановился на моем лице, его глаза вспыхнули чистой яростью. Да такой, что стало намного страшнее, чем было.

– Кто, блять?! – проорал он, и следом последовало два выстрела.

Два тела рухнули на пол, а по белому кафелю медленно поползли темно-бордовые лужи.

Зажала рот ладонью, изо всех сил стараясь не издать ни звука, но тело предательски дрожит, будто в лихорадке. Ноги сами несут меня назад, к стене, пока не упрусь в нее спи-

ной. В голове пульсирует одна мысль: сейчас он прихлопнет меня как надоедливую муху.

Медленно скольжу вдоль стены, не сводя глаз с Крейда, но в следующую секунду он оказался прямо передо мной – одним стремительным шагом сократил расстояние, уперся ладонями в стену по бокам от моей головы, запер в этом пространстве. Его дыхание обжигает кожу, а я смотрю на него широко раскрытыми глазами, из которых снова бегут предательские слезы.

Соврать, что мне не страшно? Да я готова умереть на месте.

– Тише... – голос звучит низко и грубо, но затем неожиданно смягчается, становится почти утешающим: – Всё хорошо.

Почему-то мне хочется верить. Хочется, несмотря на всё, что знаю. Хочется, даже когда каждая клетка тела кричит об опасности. Но... Он – ад. И если я сделаю шаг навстречу, он поглотит меня целиком – без остатка, без права на спасение.

Приветики-пистолетики!

Внимание! Эта книга содержит:

– 173% суточной нормы адреналина

(возможны побочные эффекты: учащенное сердцебиение, бессонница и привыкание)

– 1 главного героя

(который влип по уши, но еще не знает, что это только начало его проблем)

**– +1 автора (то есть меня),
который провел очень много времени, чтобы написать эту историю,
и теперь скрестил пальцы в надежде на вашу поддержку.**

Готовы? Поехали!

Таймер до детонации сюжета: 3... 2... 1...

Глава 1

Доминика Фишер

Психиатрия – это отрасль медицины, которая... – бубнит, уткнувшись в листок, миловидный паренек с первого курса.

Голос у него дрожит, будто он не определение зачитывает, а признание в убийстве пишет.

Сидя за столом в лекционной аудитории, вывожу круги на полях тетради и ловлю себя на мысли: нынешние первокурсники – не мы. Они какие-то... другие. Не все, конечно. Есть пара вменяемых, но остальные – будто случайные прохожие, которые забрели не туда.

Психиатрия – не та «вещь», в которую можно тыкать пальцем, как в меню столовой: «Ой, а что это у вас? Дайте попробовать!» Тут либо понимаешь, либо нет. Либо чувствуешь эту науку кожей, либо идешь продавать смузи в торговый центр.

А они... Черт, да они двух слов связать не могут! В наше время, когда были на первом курсе, мы уже ставили предварительные диагнозы по косвенным признакам, а эти... Эти читают по бумажке, словно первоклашки на утреннике. Seriously? Может, еще алфавит продиктуете?

– Господи! Я сейчас умом тронусь! – шипит рядом Дашка, листая инстаграм.

В наушниках у нас гремит тяжелый рок, и ритм гитар

странно совпадает с моим пульсом.

Дарья Воронцова – моя лучшая подруга, мое альтер эго, мой личный дьявол-искуситель. Мы с ней – как две половинки одного больного мозга: знаем друг друга насквозь, ненавидим и обожаем одновременно.

В детском саду спали на соседних кроватках, вместе спивали контрольные, вместе напились впервые на выпускном. Даже первый поцелуй у нас был с одним и тем же идиотом – правда, она успела на минуту раньше. До сих пор передегивает, как вспомню: слюни, жвачка со вкусом клубники и его неумелые руки, лезущие куда не надо. Фу-у-у.

– И не говори, – тяжело вздыхаю, соглашаясь с ней.

В массивную дверь раздается стук, и в аудиторию входит Валентин Николаевич, а за ним – незнакомый мужчина. Декан медленно окидывает взглядом пространство, и его глаза цепляются за меня. На секунду становится тихо, даже слишком. Будто перед грозой.

– Доминика Фишер, с тобой хотят поговорить, – прохрипел Валентин Николаевич с таким тоном, будто объявил приговор.

Смотрю на него в недоумении, хлопая длинными от природы ресницами. Спасибо маме за гены.

– Это очень важно, – добавил декан, и в его взгляде промелькнуло что-то... странное.

– Только не говори, что ты опять написала какую-то статью, – прошептала Дашка, сжимая мой локоть так, что аж

побелели костяшки.

– Я ничего не писала, – бросила ей вполголоса, но внутри уже екнуло.

Последний раз, когда меня так вызывали, закончилось все предотчислением, нервным срывом и бутылкой дешевого вина под елкой в канун Нового года.

А все из-за той чертовой статьи – о том, как легко симулировать невменяемость, как даже опытные психиатры порой не видят границы между истинным расстройством и искусной игрой. Я тогда насобираала кучу примеров, интервью, даже пару историй от самих врачей, которые потом, конечно, открестились: «Мы ничего такого не говорили!»

Свобода слова, говорите? Ха. И еще раз – ха! У нас она заканчивается ровно там, где начинается чье-то неудобство.

Пока идем в сторону деканата мои руки слегка дрожат. Не от страха – от адреналина. Так бывает, когда понимаешь: сейчас либо взорвется, либо... Впрочем, вариантов немного.

Кабинет Валентина Николаевича пахнет старыми книгами, кофе и властью.

– Садись, – жестом указывает декан на стул.

И я села, скрестив ноги, стараясь выглядеть спокойной. Напротив устроился незнакомец.

– Доминика, это мистер Маскерано. Он врач-психиатр из Бостона.

Скользнула взглядом по мужчине: высокий, седовласый, с усами, которые, кажется, видели очень многое в этой жизни.

Но больше всего поражают его глаза – зеленые, почти светящиеся, как у кота, который знает, что мышка уже в лапах.

– Ну и? – подняла бровь, глядя то на декана, то на гостя.

Незнакомец улыбнулся – добро, с интересом.

– Мисс Фишер, как сказал мистер Беляков, я – психиатр. Меня зовут Джон Маскерано, – говорит по-английски. – Я заведу психиатрической клиникой, которая стоит на первом месте в нашей стране. Ваша последняя статья... это что-то с чем-то. Я остался под большим впечатлением.

Пауза.

– Пусть у вас и не одобряют это.

Еще как не одобряют. Меня чуть из универа не поперли, – пронеслось в голове, пока сжимала подлокотники кресла.

Этот мужчина все говорит и говорит, широко улыбаясь, будто мы старые приятели.

Он точно психиатр?

Настоящие врачи его возраста обычно смотрят на мир устало, будто видели уже все самое дурное, что только может выкинуть человеческая психика. А этот... Словно актер из дешевого сериала про доброго доктора.

– К чему я веду... – мистер Маскерано вдруг встал, и его тень накрыла меня целиком. – Я хочу предложить вам стажировку у нас в Бостоне. Мне кажется, для вас это будет прекрасный опыт. Как раз у вас начинается преддипломная практика.

Сначала я не поняла. А потом как поняла – и внутренности будто перевернулись в животе, как на американских горках. Сердце заколотилось так, что, кажется, его стук слышат даже в соседнем кабинете.

Стажировка. В Америке. У настоящих специалистов.

– Ну, так что, вы согласны? – спросил он, и его зеленые глаза прищурились, будто он уже знает ответ.

Я вскочила так резко, что стул отлетел назад с грохотом, и буквально набросилась на него, обвивая руками как удавка.

– Да! Да! – сжала его так, что, кажется, хрустнули ребра. – Конечно, согласна!

Мистер Маскерано застыл, как человек, на которого внезапно напал восторженный фанат. Его руки нерешительно приподнялись, будто он не знал, стоит ли обнимать меня в ответ или аккуратно отодвинуть.

Не верю. Не верю. Это сон?

В висках стучит, в груди пляшут искры, и даже воздух вокруг кажется гуще, насыщеннее.

Кто-нибудь, ущипните меня.

– Доминика, отпусти мистера Маскерано, а то задушишь, – голос декана прозвучал сдавленно, будто он изо всех сил сдерживает хохот.

Я отпрянула, осознав, что только что чуть не задушила важного зарубежного гостя, и покраснела до корней волос.

– Простите, – пробормотала, отряхивая невидимую пыль с его пиджака. – Я просто... очень рада.

Мистер Маскерано поправил галстук, но в уголках его глаз заплясали смешинки.

– Не извиняйтесь, мисс Фишер. Такой энтузиазм... Это хороший знак.

Мне что-то рассказывали, но я пропускала в основном все мимо ушей. Единственное, отдаленно услышала, что завтра в десять утра должна вылететь в Бостон.

Меня ждет оплаченный билет, полное обеспечение за границей и всего одно условие – не облажаться. Месяц испытательного срока, и, возможно, заветный контракт после диплома. В голове уже рисуются картины: стажировка в американской клинике, безупречная практическая часть исследования, стремительный старт карьеры.

Он упоминал что-то о пациентах – опасных преступниках, содержащихся под усиленным наблюдением. Но его заверения о медикаментозном контроле растворяются в волне эйфории. Сейчас мне все равно, кто эти пациенты – маньяки, террористы или серийные убийцы. Готова отправиться хоть в ад, если там предложат такие перспективы.

Бумажная волокита, обычно растягивающаяся на недели, решена всего за шестьдесят минут. Завтрашний рейс, аэропорт, встреча с Маскерано – все уже решено. Остается лишь дожидаться электронного билета, который пришлют на почту.

Дверь кабинета захлопывается за моей спиной, а я уже лечу по коридору, не чувствуя под ногами пола. Пальцы сами набирают сообщение Даше о том, что жду ее на выходе. Че-

рез пять минут как раз закончится пара.

В груди разливается знакомое тепло – то самое, когда границы реальности размываются, а сознание отказывается адекватно воспринимать происходящее. Состояние, в котором кажется, что нет ничего невозможного. Мир внезапно становится податливым, как пластилин в руках ребенка, а я – всемогущим творцом собственной судьбы.

Как только в толпе студентов мелькнула знакомая фигурка, я ринулась к Дашке, подхватила ее под мышки и закурила.

Моя подруга – хрупкая, как подросток, с осиновой талией. Совсем не то, что я. Нет, я не толстая, но мои округлости – широкие бедра, грудь четвертого размера – иногда заставляют ненавидеть собственное отражение. Хорошо хоть рост метр семьдесят три спасает – не превращаюсь в этукую плюшку. Хотя, если честно, семьдесят четыре килограмма для бегемота – это вообще не вес.

Дашка, конечно, уверяет, что у меня аппетитная фигура и что мужчины с ума сходят по таким. Легко говорить той, чья грудь не мешает на пробежку выйти. А попробуй-ка побегать с четвертым размером – еще немного, и она будет биться о подбородок.

Мужики об этом никогда не задумываются. А что им задумывать? Помял два полушария, словно это какой-то для них антистресс, и доволен.

– Э-э-э, подруга, отпусти меня, – пищит она.

Когда я наконец поставила ее на землю, Дашка смерила меня взглядом, в котором читалось: «Ты окончательно спятила».

– Я серьезно начинаю думать, что тебе нужен специалист из того самого отделения, – процедила, поправляя сбившийся шарфик.

– После моих новостей ты сама запрыгаешь, как сумасшедшая, – оскалилась я во все тридцать два зуба.

И вывалила на нее все: Бостон, стажировку, перспективу работы за границей. Реакция не заставила себя ждать – через секунду мы уже вопим, как две истерички, обнимаясь и прыгая на месте, вызывая недоуменные взгляды прохожих. Но нам плевать. Мало ли, что там о нас думают.

Но вдруг Дашкино лицо становится серьезным.

– Никуль, а Леха?

Закрыв глаза, провожу ладонями по лицу, собираясь с мыслями.

– Даш, я его не люблю. И никогда не любила, – говорю устало. – Не спорю – парень хороший, в постели огонь... Но это все. Мы как друзья по сексу. Наши отношения – просто спектакль для родителей. Сегодня же все закончу. Тем более между нами уже давненько ничего не было.

Алексей Князев – мой, типа, парень. Но, как уже сказала, я его не люблю и ничего на душевном уровне не чувствую, как мне кажется, как и он. Мама встречается с его отцом, и наши «отношения» – всего лишь приложение к их роману.

Леша – идеальный кандидат на бумаге: красивый, галантный, владелец успешного IT-стартапа в двадцать шесть. В постели он творит чудеса – его пальцы знают карту моего тела лучше, чем я сама. Но после каждого раза остается странная пустота, будто мы просто разрядили друг друга, как два электризованных предмета. Физическое удовлетворение есть, а вот этого... этого трепета под ребрами, этого безумия в крови – никогда.

Дашка довезла меня до его дома на своем потрепанном Форде. Лифт поднимался на шестнадцатый этаж мучительно медленно, а я в это время размышляла, как именно буду разрывать наши недоотношения. Но судьба, кажется, опередила меня.

Первое, что бросается в глаза в прихожей – чужие туфли на шпильке, брошенные впопыхах. Потом до меня доносятся звуки: приглушенные стоны, скрип кровати, мужской голос, который я узнала бы из тысячи.

И знаете что?

Ничего.

Абсолютная пустота. Ни ревности, ни злости, только облегчение.

Леша всего лишь удовлетворяет естественную потребность. Два месяца без секса – для молодого, горячего мужчины это, наверное, пытка. А я была слишком занята учебой, чтобы замечать его намеки.

Прислушалась к звукам за дверью, ожидая, что во мне

проснется хоть какая-то эмоция. Но сердце молчит.

Вот точно на этом все.

Я не стала врываться, не стала стучать – зачем? Пусть заканчивают. Вместо этого прошла на кухню, включила чайник и уткнулась в телефон, натянув наушники. Но даже сквозь бит трека пробивались звуки. Ирония ситуации заставила усмехнуться: вот так сидишь, пьешь чай, а в соседней комнате твой парень трахает кого-то.

Через десять минут в дверном проеме застывает девушка – бледная, с растрепанными волосами, в одной из Лешиных футболок. Глаза круглые, как у оленя перед фарами.

– Привет, я Ника, – улыбнулась и сняла наушники.

Она не шевелится, будто боится, что я наброшусь.

– Дина, что ты там стоишь? – раздался голос Леша.

Он появляется за ее спиной в одних боксерах, и его лицо моментально отразило тот же испуг. Меня это забавляет – будто они оба ждут, что я сейчас достану нож.

– Ника? – он произнес мое имя так, словно увидел призрак.

– Леша, выдохни, – махнула рукой, – все в порядке.

– Я...

– Леша? – девушка оборачивается к нему, и ее голос дрожит.

– Дина, расслабься, – решила разрядить обстановку. – Я его очень хорошая подруга. И простите, что без предупреждения. Честное пионерское, не подслушивала... ну, почти.

Шутка повисла в воздухе – никто не засмеялся.

– Дина, ты бы не могла нас оставить наедине? Можешь сходить в душ, – Леша положил ей руку на плечо, и та покорно кивнула.

Когда она выскользнула, я встала и закрыла дверь.

– Ник, я...

– Стоп, – резко подняла руку, перекрывая его слова. – Я первая хочу сказать.

Лешка опустился на стул, его плечи слегка ссутулились под невидимым грузом. Я же отошла к подоконнику.

– Леш, – начала я, перебирая пальцами край занавески, – давай начистоту. Никаких чувств между нами нет и никогда не было. И это нормально. Мы отлично провели время, но... – глубоко вздыхаю, – пора заканчивать этот спектакль.

Он поднял глаза – темные, виноватые.

– Прости...

Я невольно усмехнулась.

– За что, собственно? За то, что удовлетворил естественные потребности? Боже, Лешка, мы же не подростки. Если уж кого-то стоит винить, так это меня – я тебя два месяца динамила. Нужно было закончить все это раньше.

Его пальцы нервно постукивают по столу.

– У тебя появился кто-то? – спросил наконец, и в этом вопросе было больше любопытства, чем ревности.

– Никого, – покачала головой. – Просто жизнь дала пинка – еду в Штаты.

Тут он наконец поднял на меня взгляд – по-настоящему, впервые за весь разговор.

– В смысле?

Я рассказала все то же, что и Дашке, наблюдая, как его лицо постепенно меняется от удивления к легкому восхищению.

– Ну что ж... – хлопнула в ладоши, отталкиваясь от подоконника. – Мне пора. Еще маму предстоит в курс ввести и чемодан собрать.

– Тебя отвезти? – предложил, уже вставая.

– Не надо, – махнула рукой, поправляя сумку на плече. – Вызову такси. И... – кивнула в сторону ванной, – успокой девушку. Она, кажется, до сих пор боится, что я ее прикончу.

Ключи от квартиры со звоном упали на стеклянную поверхность тумбочки в прихожей. Эти брелоки – подарок на годовщину наших «отношений».

Пока ждала такси, набрала свою любимую мамуличку.

– Привет, Персик, – ответила мама после второго гудка.

Ее голос, обычно такой четкий и уверенный, сейчас звучит измотанно. Москва явно выжала из нее все соки.

– Привет, мамуль.

– Как дела, дорогая?

– Все отлично. Я тебе должна кое-что рассказать, – пальцы непроизвольно сжали край куртки.

Тишина.

– Только не говори, что ты беременна! – мама выпалила

так, будто держала эту фразу наготове. – Вот, я так и знала! Нужно было слушать меня и начать пить противозачаточные, но нет же, «они вредные»! Как теперь быть? Ты же мечтала...

Я не выдержала и расхохоталась, прерывая этот поток. Маргарита Фишер – ходячая катастрофа в худшие моменты и лучший человек на земле – во всех остальных.

– Мама, я не беременна, – перебила ее, все еще широко улыбаясь.

– А что тогда? – мгновенно сменила панику на настороженность.

Когда рассказала про Бостон, ее визг чуть не разорвал мне барабанные перепонки. Пришлось отодвигать телефон, наблюдая, как водитель такси в зеркало заднего вида бросает обеспокоенные взгляды.

Дальше последовал получасовой инструктаж по упаковке чемодана «Непременно возьми теплый свитер, в Штатах кондиционеры везде на полную!» и тысяча предостережений «Никаких ночных прогулок в одиночестве!»

Квартира встретила меня знакомым запахом лаванды и уюта.

– Ты в своем репертуаре, – закатила глаза, смотря на брата.

– Привет, систер, – он подмигнул мне, продолжая качать руки гантелями.

Я вздохнула, бросая сумку на кресло:

– Дем, тебе когда-нибудь надоест этим заниматься?

Демьян Фишер – мой двоюродный брат. Но для меня он всегда будет родным. Когда тетя Наташа и дядя Костя погибли в той роковой аварии четыре года назад, мама без раздумий взяла опеку над шестнадцатилетним Демой. С тех пор он стал частью нашей маленькой семьи.

– Персик, спорт – это хорошо. Тебе бы тоже не помешало побегать, – губы растянулись в той самой издевательской улыбке, от которой у меня автоматически надуваются щеки.

– Дем, ты издеваешься? – хмурюсь.

О-о-о да, он прекрасно знает, что с моим четвертым размером груди бег превращается в пытку. Эти подколки – его фирменный способ выразить заботу.

Вываливаю на него всю историю: расставание с Лешкой, стажировку, срочный перелет. Дема сначала застывает с футболкой в руках, которую собирался надеть, потом медленно опускается на диван.

– Бостон? Завтра? – его глаза расширяются.

– Да, поэтому шуруй в кладовку за чемоданом.

Всю ночь мы как сумасшедшие мечемся по комнате, складывая вещи, споря о необходимости каждого свитера, прерываясь на чай и воспоминания. Засыпаем только к трем ночи.

А вот утро встречает нас хаосом: я мечусь между ванной и чемоданом, желудок сжимается от волнения, отказываясь принимать даже кусочек бутерброда. Дема молча подсовы-

вает мне шоколадку в карман куртки – знает, что в самолете проголодаюсь.

В аэропорту Дашка цепляется за меня, как ребенок, ее слезы оставляют мокрые пятна на моей куртке. Мы никогда не расставались надолго – всегда были рядом, как две половинки одного целого. Дема стоит чуть поодаль, руки в карманах, но по его напряженным плечам видно, как тяжело ему держать маску безразличия.

– Посадка на рейс Санкт-Петербург – Бостон объявляется... – голос из динамиков разрывает наши объятия.

Я быстро целую Дашку в щеку, бью кулаком Дему по плечу и обещаю писать каждый день.

Регистрация, паспортный контроль – все как в тумане. Нахожу свое место в самолете – и вот он, мистер Маскерано, уже устроился у окна.

Впереди двенадцать часов полета. К счастью, без пересадок.

Мы говорим о клинике, о пациентах, о моих ожиданиях. А потом я просто засыпаю под монотонное бормотание о новых методах когнитивно-поведенческой терапии.

Совсем немного и я окажусь в стране, где ждет меня... Гименоптеризм.

***Гименоптеризм** – это сексуальное или романтическое влечение к людям, совершившим тяжкие преступления (убийства, насилие и т. д.)*

Глава 2

В одном королевстве жила юная принцесса. У нее была любящая мать – добрая и мудрая королева, но об отце она знала лишь то, что рассказывали ей в детстве.

Сказка начиналась прекрасно: на пышном балу, среди блеска свечей и звуков музыки, молодая королева встретила того, кого приняла за прекрасного принца. Она отдала ему самое дорогое – свое чистое сердце, доверившись сладким обещаниям и нежным прикосновениям. Но утро развеяло иллюзии: за маской благородства скрывалась обыкновенная свинья.

Так в метафоричной форме мама объясняла, каким образом меня зачали. Позже, когда подросла, рассказала правду – без прикрас, но и без лишней горечи. Она не та женщина, которая о чем-то жалеет. Что сделано, то сделано. Жизнь дает – ты бери.

Это случилось на вечеринке в честь дня студента. Мама только поступила на первый курс и вместе с подругой, с которой приехала учиться в Москву, отправилась в загородный коттедж, где собралась шумная толпа. Из всех присутствующих людей ей были знакомы лишь лица своих одноклассников.

И вот там, среди шумной компании, к ней подошел он – высокий, широкоплечий, с обаятельной улыбкой. На четыре

года старше, уверенный в себе. Иностранный акцент выдавал в нем иностранца, но в тот момент это не имело никакого значения. В ту ночь, под влиянием выпитого алкоголя, она поверила, что встретила своего принца. Одним словом – идеал.

Но сказки, увы, редко бывают в реальной жизни правдой. Молодая, слегка пьяная мама легко поддалась «отцовскому» обаянию. Она ловила каждый взгляд, каждое движение, словно замороженная. Он представился Александром – простым именем, за которым мог скрываться кто угодно.

Как позже признавалась мама: «Навешал лапши на уши и повел за собой». И она пошла – на второй этаж, в одну из комнат. Не сопротивлялась, не сомневалась. Все было красиво, почти как в тех самых сказках. Его прикосновения были нежны, движения – осторожны. Он шептал комплименты, а она таяла, словно весенний снег под первыми лучами солнца, растворяясь в этом моменте.

После, этот самый Александр даже отнес ее в ванную – к счастью, она была прямо в спальне. А затем мама уснула, прижавшись к его груди. Утром проснулась уже одна. На подушке лежала записка: «Прекрасная Маргарита, я тебя никогда не забуду. Эта ночь была незабываема».

И на этом – все.

Мама, конечно, расстроилась, но не стала убиваться. В конце концов, лучше мимолетная страсть с красивым незнакомцем, чем с каким-нибудь спидозным торчком.

Через месяц жизнь мамы перевернулась – тест показал две полоски. Первое время она скрывала беременность от родителей, отчаянно пытаясь найти того самого Александра. Но никто из знакомых не знал его, никто не мог сказать, откуда он приехал и куда исчез.

Бабушка и дедушка, узнав правду, категорически запретили даже думать об аборте. «Ребенок – это божий дар», – твердили они. Особенно настаивал дед – настоящий немец с прусской выдержкой, когда-то приехавший в Питер ради любви.

Их история началась на научной конференции в Кельне. Молодая студентка и тридцатидвухлетний преподаватель – любовь с первого взгляда, преодолевшая границы и условности. Он бросил престижную должность в немецком университете, когда бабушка отказалась покидать родной город. Свадьба, рождение дяди Кости, когда бабушке едва исполнилось двадцать два, а через шесть лет – появление на свет моей мамы.

Вот и все. Больше о моем отце мама ничего не знала. Даже и не думала больше о нем. Лишь иногда, глядя на меня, задумчиво отмечала: «Ты вся в него – те же серо-голубые глаза, пухлые губы. Только фигура и ресницы – мои!».

Мисс Фишер...

Голос плывет сквозь сон, как назойливый комар в летнюю ночь. Я зарываюсь глубже в кресло, отворачиваюсь, цепляясь

за последние обрывки сна.

Холодное прикосновение к запястью заставляет вздрогнуть. Глаза распахиваются сами собой, и передо мной возникает лицо мистера Маскерано – морщины у глаз, седые усы, добродушная улыбка.

– Сейчас будет посадка, – говорит он, и это звучит так, будто он сообщает о чем-то приятном, вроде чашки горячего шоколада в морозный день.

Несколько секунд заторможено моргаю, протираю глаза и поворачиваюсь к иллюминатору. Солнце. Оно заливает все вокруг.

– А почему так светло? – голос хриплый от сна.

– В Бостоне сейчас четыре часа дня.

О, черт. Я совсем забыла про разницу во времени. Руки сами тянутся к лицу – растираю сонные глаза, потом лезу в сумку за зеркальцем. Отражение не самое ужасное – бледность, слегка припухшие веки, но, слава богу, я не накрашена. Никаких потеков туши.

После посадки следую за мистером Маскерано, как сонная овца за пастухом. Он ловко получает свой багаж, а мой чемодан, конечно же, решает задержаться.

– Я подожду вас в кафе, – говорит пожилой мужчина, указывая куда-то в сторону, и исчезает в толпе.

Американцы совсем не джентльмены.

Через пять минут, наконец, мой чемодан появляется на ленте. Черный, перетянутый ремнями и пищевой пленкой.

Хватаю его и начинаю стаскивать – мышцы рук напрягаются до дрожи.

И в этот момент все идет наперекосяк.

Чемодан падает на пол с глухим стуком, а я теряю равновесие. Ноги подкашиваются и в голове проносится мысль. «Вот и все. Сейчас упаду, разобью голову, впаду в кому и проснусь через десять лет. Если повезет. В худшем случае – сразу на тот свет».

Странно, но я не боюсь. Смерть – она ведь просто... есть. Как дождь. Как снег. Как этот чертов чемодан.

Зажмуриваюсь, в ожидании болезненных ощущений, но падение так и не происходит. Вместо этого – крепкие теплые руки, обхватывающие меня с такой силой, что на мгновение становится больно.

Открываю глаза и вижу его.

Мужчина лет тридцати с небольшим. Голубые, как северное море, глаза. Вздернутые брови. И эта ухмылка – самоуверенная, слегка нагловатая, но почему-то не вызывающая раздражения.

Мы застываем в странном положении: я полулежащая в его руках, он держащий меня за талию. Его взгляд скользит по моему лицу, останавливаясь на губах, затем снова поднимается к глазам.

Пытаюсь вырваться, но его хватка крепка.

– Господи, да отпусти ты меня! – вырывается по-русски, и только потом, сообразив где я, добавляю на английском: –

Спасибо большое.

Мужчина разжимает руки, но не отводит взгляда. Кажется, он рассматривает меня как редкий экспонат в музее.

– Спасибо, – повторяю, натягивая подобие улыбки.

– Не за что, – отвечает он, прищуриваясь. – Девушкам вообще-то не положено поднимать такие тяжести.

Хватаю чемодан с таким видом, будто это всего лишь сумочка с помадой, и делаю шаг в сторону кафе. Затем оборачиваюсь.

– Да, девушкам не стоит таскать тяжести, – говорю, бросаю ему вызов взглядом. – Вот только когда рядом нет настоящего мужика, приходится справляться самой.

Его ухмылка превращается в широкую улыбку, обнажая идеальные белые зубы. Я разворачиваюсь и иду прочь, чувствуя, как его взгляд жжет мне спину.

И странное дело – щеки горят, будто я только что выбежала из бани.

В кафе мистер Маскерано уже допивает кофе.

– Вы выглядите взволнованной, – замечает он, изучая мое лицо.

– Это... – машу рукой, – просто акклиматизация.

После того, как пожилой мужчина расплачивается, направляемся к выходу. На секунду оборачиваюсь – тот мужчина все еще стоит там же, опершись о колонну. И когда наши взгляды снова встречаются, он поднимает руку в небрежном приветствии, будто мы старые знакомые. Я быстро от-

ворачиваюсь, но уголки губ сами собой поднимаются вверх.

Квартира оказывается на третьем этаже старого четырехэтажного дома. Открываю дверь и осматриваюсь: просторная гостиная, аккуратная спальня, санузел и кухня. Ничего роскошного, но чисто и уютно. Мистер Маскерано, стоя на пороге, сообщает, что заедет завтра в семь утра, и оставляет меня одну.

Первым делом пишу всем сообщения – я в Бостоне. В России глубокая ночь, поэтому не рассчитываю на быстрые ответы. Но Дашка, конечно же, не спит. Ее звонок разрывает тишину квартиры через минуту после сообщения. Мы болтаем целый час, пока она наконец не признается, что засыпает.

За окном Бостон медленно погружается в сумерки. Открываю холодильник: он забит продуктами. И это вызывает улыбку на лице. Что еще для счастья нужно?

Решаю прогуляться, но сначала – ванна. Горячая вода обжигает кожу, смывая усталость перелета. Пар окутывает мышцы, постепенно расслабляя, мысли становятся яснее. В такие моменты кажется, будто смываешь с себя всю прошлую жизнь, готовясь начать новую.

Одеваюсь теплее – бостонский вечер прохладен, как питерский. Проверяю сумку: кошелек, телефон, перцовый баллончик. Последний предмет никогда не покидает сумку после того случая, как на меня напали в темном переулке. Это хорошо, что насильника спугнула какая-то бабушка, которая

гуляла с собакой. Даже представлять не хочу, что было со мной. До сих пор помню все в мельчайших подробностях.

Выхожу на улицу без определенного маршрута. Город еще жив: люди спешат по своим делам, смеются, разговаривают. В Питере в такое время все уже измотаны, хмуры, погружены в свои мысли. Здесь же каждый встречный улыбается, кивает, словно мы старые знакомые.

Я неспешно прогуливаюсь по парку, наслаждаясь вечерней прохладой и непривычной для меня атмосферой американского города. На улице окончательно темнеет, а в желудке предательски урчит – пора возвращаться домой.

Поворачиваю на знакомую улицу, уже представляя, как заварю чай и устроюсь на уютном диване. Но внезапно резкий женский крик пререзает вечернюю тишину. Без малейших раздумий разворачиваюсь и бегу на звук, сердце бешено колотится в груди.

В темном переулке открывается ужасающая картина: крупный мужчина прижимает к стене хрупкую фигуру, грубо пытаясь стащить с нее сумку. Кровь стучит в висках, руки сами находят лежащую рядом железную трубу.

Господи, что я делаю? – мелькает мысль, но тело уже действует само.

С размаху бью урода по спине. Раздается глухой удар, мужчина с криком отпускает жертву и падает на асфальт. Он пытается подняться, лицо перекошено злобой.

– Ага, хренушки, ублюдок! – вырывается у меня, и труба

снова опускается на его спину.

Бросаю оружие, хватаю перепуганную женщину за руку и тащу за собой. Мы мчимся по темным улицам, ноги подкашиваются, но останавливаться нельзя. Только оказавшись на освещенной людной улице, осмеливаюсь оглянуться.

Передо мной не женщина, а совсем юная девушка – лет шестнадцати, не больше. Ее лицо белое как мел, губы дрожат, а глаза полны ужаса. Не думая, притягиваю ее к себе. Худенькое тело сотрясается от рыданий.

– Тише, не плачь. Все позади, я с тобой, – мягко глажу ее по голове, стараясь успокоить.

– Давай зайдем ко мне? – предлагаю ей, когда она немного успокаивается. – Ты сможешь прийти в себя, умыться...

Девушка молча кивает, все еще не отпуская мою руку.

Мы входим в квартиру, и я сразу направляю девушку в ванную. Сама иду на кухню, руки все еще дрожат от адреналина. Открываю шкаф – и о чудо! Бутылка красного вина. Благослови того, кто ее здесь оставил.

Когда девушка выходит, ее глаза все еще красные от слез, но уже выглядит собраннее. Вдруг она замирает, вглядываясь в мое лицо.

– Охренеть! – вырывается у нее.

Она подходит ближе, и я вижу, как ее глаза расширяются.

– Да мы с тобой... жуть как похожи!

Подаю ей стакан вина. Она выпивает залпом, даже не поморщившись.

– Меня Ника зовут, – представляюсь первой.

– Рейна, – отвечает она, ставя стакан на стол с характерным стуком. – А можно еще?

– Как мне кажется, тебе возраст не позволяет, – поднимаю бровь.

– Мне через две недели восемнадцать.

Я усмехаюсь и наливаю еще немного. Она снова выпивает одним глотком и опускается на стул, словно ноги перестают ее держать.

– Спасибо большое. Если бы не ты... – ее голос срывается, и слезы снова начинают катиться по щекам.

Подхожу и обнимаю ее. Рейна прижимается ко мне, уткнувшись лицом в мою грудь. Ее тело содрогается от рыданий, а я глажу ее по спине, пытаюсь успокоить.

Внезапно раздается звонок. Рейна вздрагивает и резко отстраняется, роясь в рюкзаке.

– Да, мам? – ее голос дрожит. – Не кричи...

Вижу, как она нервно кусает губу.

– Скажу, если сильно ругаться не будешь, – торопливо выпаливает она. – Меня чуть не... Но мне помогли.

Пауза. Ее лицо искажается.

– Не плачь, мам, со мной все хорошо, – шепчет девушка.

Она бросает на меня умоляющий взгляд, и я понимаю – сейчас ей нужна поддержка больше, чем когда-либо. Подхожу и кладу руку ей на плечо. Рейна хватается мою руку и сжимает так сильно, что становится больно, но я не отнимаю.

Пусть держится сколько нужно.

Рейна поворачивается ко мне, ее пальцы нервно теребят край свитера.

– Можешь сказать адрес? Мама хочет приехать.

Называю улицу и номер дома. Она коротко переговаривается по телефону, голос все еще дрожит, но уже не так сильно.

Через двадцать минут после завершения вызова выходим на улицу. Молчание между нами тяжелое, но не неловкое – скорее общее понимание того, что слова сейчас лишние. Ночь окутывает Бостон мягким светом фонарей.

Через пять минут у тротуара с визгом тормозит темный седан. Дверь распахивается, и оттуда вылетает женщина – волосы растрепаны, на лице макияж размазан слезами.

– Доченька, милая! – она цепляется в Рейну, будто боится, что та исчезнет.

– Мам, успокойся. Со мной все в порядке, – Рейна высвобождается из объятий и жестом указывает на меня. – Это Ника. Она... Она его ударила трубой. Дважды.

Женщина разворачивается ко мне. Ее глаза – точь-в-точь как у Рейны, только с морщинками у уголков.

– Спасибо! Спасибо! – хватает меня в охапку.

Неловко похлопываю ее по спине.

– Мам, ты ее задушишь, – вздыхает Рейна.

Женщина отстраняется, достает платок, вытирает щеки.

– Ника, это моя мама, мисс Бланк.

– Можно просто Аманда, – поправляет она, шмыгая носом.

И тут происходит странное. Аманда вдруг замирает, ее взгляд цепляется за мое лицо. Губы слегка приоткрываются.

– Это как...

– Я тоже офигела, – перебивает девушка и, став рядом со мной, поворачивает голову в профиль. – Посмотри. Нос, губы...

– Поразительное сходство, – шепчет Аманда.

Она тянет руку, будто хочет прикоснуться к моей щеке, но останавливает себя.

Еще пара благодарностей, еще одно крепкое объятие – и они уезжают.

Возвращаюсь в квартиру, переодеваюсь в пижаму, падаю на кровать. Глаза закрываются сами собой, и просто отрубаясь без всяких мыслей.

Резкий звон будильника вырывает меня из сна. Рука автоматически шлепает по экрану, заглушая надоедливый сигнал. Переворачиваюсь на спину, протираю глаза и хватаю телефон – несколько непрочитанных сообщений. Пока варю кофе и намазываю тост арахисовой пастой, успеваю перезвонить всем – маме, Дашке, Деме.

Контрастный душ смывает остатки сна. Перед зеркалом наношу легкий макияж – только тушь и прозрачный блеск для губ. Выбираю кожаные шорты – пусть и прохладно, но под пальто сойдет, – белый свитер и длинное бежевое паль-

то. Последний штрих – белый медицинский халат, аккуратно сложенный в сумку.

Ровно в 7:00 около входа останавливается черная машина. Мистер Маскерано машет мне из-за руля. Дорога занимает тридцать минут. Чем дальше от города, тем гуще становятся деревья. И вот, за очередным поворотом, передо мной вырастает мрачная территория клиники.

Мурашки бегут по спине.

Высокий бетонный забор с колючей проволокой наверху. Вооруженные охранники на вышках. Камеры повсюду. Клиника больше напоминает тюрьму строгого режима.

– Мы здесь содержим пациентов, начиная от душевнобольных до особо опасных, – поясняет мистер Маскерано, замечая мой напряженный взгляд. – Но не волнуйтесь, они под постоянным воздействием сильнодействующих препаратов.

Тогда зачем столько охраны? – вертится в голове, но вслух не произношу.

Внутри меня встречают холодные стерильные стены и десятки любопытных взглядов персонала. После краткого знакомства меня проводят в общую комнату – небольшое помещение со шкафчиками и скамейками. Переодеваюсь в халат, поправляю волосы и выхожу.

Мистер Маскерано ждет меня в коридоре, опершись о стену.

– Ну что, – его губы растягиваются в улыбке, но глаза оста-

ются серьезными. – Пойдемте знакомиться с нашими пациентами. Первый блок – с особо опасными преступниками.

Он поворачивается и идет вперед, а я делаю глубокий вдох и шагаю за ним.

Всем привет-привет!

Пока вы ждете новую главу, приглашаю вас в другую новинку литмоба

«Любовь под прицелом»

Сводные. Запретная сладость

Элис Екс

<https://litnet.com/shrt/g8CN>

Глава 3

При упоминании особо опасных преступников во рту мгновенно пересыхает. Язык будто прилипает к нёбу. В голове всплывают заголовки криминальных хроник, которые я читала в университете: «Маньяк-убийца», «Психопат-расчленитель». Но одно дело, когда ты читаешь, а другое – когда видишь их воочию.

Мы с мистером Маскерано заходим в лифт. Дверь закрывается с металлическим скрежетом, будто стальной челюстью. Панель с кнопками облезла, цифры стёрты тысячами прикосновений. Когда он нажимает на «–1», лифт дёргается и с противным скрипом начинает движение вниз.

Вот и всё, назад дороги нет, – мелькает мысль. Ладони становятся липкими. Воздух в кабине тяжёлый, пахнет ржавчиной и чем-то медицинским. Если я и раньше не любила замкнутые пространства, то после этой стажировки точно буду обходить лифты за версту.

С громким «дзынь» двери распахиваются.

Перед нами – бесконечный коридор. Лампочка над головой мигает, отбрасывая неровные тени на стены.

Твою ж мать! Это не просто похоже на фильм ужасов. Это его декорации.

Стены выкрашены в мятный цвет – такой неестественно жизнерадостный для места, где содержатся убийцы. По обе

стороны – массивные железные двери. Внизу – маленькие окошки для передачи еды. Чуть выше – смотровые, с толстым бронированным стеклом.

Мистер Маскерано проводит электронным ключом, и решетчатая дверь открывается с механическим шипением.

Здесь каждая дверь открывается только специальным электрическим ключом с кодовым подтверждением.

– Итак, начнём наше знакомство, – говорит таким тоном, будто приглашает меня на чашечку чая, а не в адскую бездну.

Он улыбается. Широко, искренне. И от этого становится ещё страшнее.

Я делаю шаг вперёд.

Холодный воздух бьёт в лицо. Где-то вдалеке слышен чей-то смех – высокий, истеричный.

Добро пожаловать в преисподнюю, Ника.

Слева – маньяки и серийные убийцы. Те самые, о которых снимают документальные фильмы и пишут книги. Их глаза пустые, словно выжженные пустыни, а тела обмякшие под действием сильнодействующих препаратов. Но даже химическая смирительная рубашка не может скрыть ту опасность, что дремлет в них. Я ловлю себя на мысли, что подсознательно держусь подальше от смотровых окошек с этой стороны.

Справа – другие. Убийцы по неосторожности, несчастные, сломавшиеся под тяжестью своего поступка. Их лица искажены не звериной жестокостью, а всепоглощающим горем. Они не прячутся в углах, а прижимаются к стеклу, словно

ища спасения.

Камеры наблюдения следят за каждым движением, каждым вздохом. Заглядываю в несколько палат – и понимаю, что всё, что я видела раньше в наших клиниках, было лишь бледной тенью настоящего безумия.

Б-р-р, к этому долго придется привыкать.

Сто метров коридора. Сто метров, которые ощущаются как прогулка по краю вулкана.

Час. Ровно шестьдесят минут, за которые мистер Маскерано кратко перечисляет диагнозы и преступления. Его голос ровный, будто рассказывает не о сожженных заживо семьях и другом, а о погоде.

После возвращаемся к лифту. К тому доисторическому ящику, который скрипит при малейшем движении. Ирония – палаты на электронных замках последнего поколения, а этот гроб на тросах, кажется, помнит еще Фрейда.

Когда оказываемся в том же коридоре, с которого начали, мужчина ведет меня во второй корпус. Здесь воздух легче, но не менее гнетущий. Параноики, алкоголики, люди с обсессиями – их «демоны» не вырываются наружу с топорами, а тихо грызут изнутри. Они неопасны. Почти.

Я всегда считала – нет безопасных психических расстройств. Любой больной способен нанести вред. Мы никогда не знаем, какие голоса шепчутся в его сознании, какие образы рождаются в потемках разума. Сегодня он безобидно улыбается, а завтра – кляц! – и ему какой-то голосочек

нашептал укусить за ухо рядом сидящего человека, и это в лучшем случае, в худшем – убить.

Психиатрия – это не математика с ее точными формулами. Здесь всё зыбко, как дым, и непредсказуемо как шторм.

– В общих чертах я тебе всё рассказал, – мистер Маскерано поворачивается ко мне. – Дальше сама постепенно познакомишься, и со временем втянешься. Понимаю, это будет немного сложно, но я верю в тебя, – улыбается добродушно. – Для своей работы ты можешь выбрать одного пациента. Помимо него, будешь работать и с остальными.

Мистер Маскерано отвел меня в архив и сказал, что я могу немного просмотреть то, что мне интересно, а затем познакомиться с картами нынешних пациентов. Все необходимые данные находятся в главном центре данных, также всё есть в электронном формате.

Четыре часа я провела, листая истории болезней. Некоторые случаи заставляют кровь стынуть в жилах. Но самое жуткое – мне интересно.

Когда желудок урчит, будто разъяренный зверь, отправляюсь в пищеблок. Как раз время обеда.

Персонал – люди в возрасте – приняли меня тепло. Бесконечные вопросы о России, о холодах, о медведях на улицах... Какие же у иностранцев заурядные стереотипы.

После плотного обеда принимаюсь изучать данные нынешних пациентов. А затем беру планшет и сопровождением направляюсь в корпус, который находится внизу.

Обычные психические заболевания? Скучно. Мне нужно нечто большее.

Просматриваю десятки карт. Знакомлюсь взглядом через смотровые окошки. Но... всё не то. Где-то должен быть Он. Тот самый, необычный случай.

Рабочий день близится к концу, когда я пересекаюсь с мистером Маскерано в холле. Он что-то бормочет себе под нос, листая папку с документами, но, заметив меня, поднимает взгляд. Его глаза мгновенно оживляются.

– Мисс Фишер, как ваши дела? – спрашивает, поправляя очки.

– Неплохо. С очень многим сегодня познакомилась, – отвечаю, натягивая самую широкую улыбку, какую только могу изобразить.

– Вы выбрали себе подопечного?

Теряюсь на секунду, потираю затылок и непроизвольно поджимаю плечи. Мистер Маскерано ждет моего ответа, но слова застревают в горле.

– Ну... – запинаясь. – Мне нужно немного времени. Невозможно так быстро определиться.

Он тихонько смеется и легонько похлопывает меня по плечу.

– Ничего страшного. Это даже хорошо, что еще не определилась. Значит, ты ответственно относишься к выбору.

В этот момент к нам подходит миссис Хит – пожилая медсестра с добрыми глазами и вечной улыбкой.

– Ника, милочка... – раздался мелодичный голос женщины. – Как первый день прошел?

– Всё хорошо.

– Ой, детка, представляю, как на тебя тут всё давит. Это мы уже закаленные, – начинает гладить меня по волосам, и от этого внутри всё сжимается.

Господи, боже мой!

С самого детства ненавижу, когда трогают мои волосы. Особенно вот так – снисходительно, будто я пятилетний ребенок. Глаз начинает нервно подергиваться.

Мои волосы – моя гордость. Длинные, до самой поясницы, никогда не крашенные. И не собираюсь – зачем портить то, что и так идеально? Русые, прямые, здоровые – многим на зависть. Но сейчас они кажутся мне проклятием.

К счастью, ситуацию спасает мисс Амборн, которая подбегает к нам, запыхавшись.

– Мистер Маскерано, его привезли!

– Крейда? – его лицо мгновенно хмурится.

– Его самого!

В воздухе повисает напряженная тишина. Я смотрю то на мистера Маскерано, то на мисс Амборн, пытаюсь понять, о ком идет речь.

Пожилой мужчина медленно потирает глаза, оставляя на переносице красные следы от очков. Он поворачивается ко мне, и в его взгляде читается глубокая усталость.

– Мисс Фишер, я сейчас приму нового пациента, а затем

отвезу вас домой.

Я молча киваю, но когда все начинают расходиться, неожиданно для себя спрашиваю:

– А можно я с вами?

Его брови смыкаются в строгой складке. Он изучает меня несколько секунд – я вижу, как в его глазах борются профессиональный интерес и желание оградить меня от чего-то.

– Ох, хорошо, – наконец машет он рукой, сдаваясь.

Мы идем по длинному холлу к стойке регистрации. Там, между двумя полицейскими, стоит мужчина в смиренной рубашке. Его голова бессильно опущена, взлохмаченные волосы падают на лицо.

Когда подходим ближе, один из офицеров протягивает мистеру Маскерано толстую папку.

– Диссоциативная фуга, психоз, – читает он вслух, перелистывая страницы, но голос становится все более настороженным. – Так... Визионер.

Мое сердце замирает.

Визионеры – особый тип убийц-психопатов, одержимых клиническим бредом. Вспоминаются примеры из учебников: Герберт Маллан, убивший тринадцать человек, чтобы предотвратить землетрясение. Ричард Чейз, пивший кровь своих жертв.

И вот теперь один из таких стоит передо мной.

– Ну, добро пожаловать, Зайен Крейд, – мистер Маскерано отрывается от карты и поднимает взгляд.

В этот момент пациент резко запрокидывает голову. На первый взгляд ему не больше двадцати пяти лет. Сначала он смотрит на мистера Маскерано, затем – будто почувствовав мой взгляд – поворачивается ко мне.

Мурашки бегут по спине.

Его глаза – темно-синие одновременно пугают и завораживают. Густая черная челка падает на лоб, но не скрывает этого пронзительного взгляда. Он изучает меня с такой интенсивностью, будто пытается прочесть мои мысли.

И вот что странно – в этих глазах нет безумия. Они ясные. Слишком ясные для диагноза, который только что озвучил мистер Маскерано.

Я всматриваюсь в его лицо, пока старый психиатр разговаривает с полицейскими. И тут замечаю – уголок его губ дрогнул. Мимолетная ухмылка. Быстрая как вспышка. Но я успела ее поймать.

Нет, тут точно что-то не так.

– Я хочу его! – мой голос громко разносится по холлу, палец указывает на парня в смиренной рубашке.

В комнате повисает тишина. Все поворачиваются ко мне: мистер Маскерано – с поднятыми бровями. Полицейские – с открытыми ртами. Медсестры – с круглыми глазами. А на лице пациента снова появляется эта странная полуулыбка.

Только сейчас до меня доходит двусмысленность моих слов.

– Хочу его себе в подопечные! – быстро поправляюсь, чув-

ствуя, как щеки моментально вспыхивают.

Мистер Маскерано напрягается, его взгляд мечется между миссис Хит и новым пациентом.

– Мисс Фишер, я бы... – он колеблется, и это меня бесит.

Нет, нет, нет! Он должен быть моим! Любой ценой!

– Пожалуйста! – делаю самые жалобные глаза, на какие способна. – Я хочу наблюдать его с самого начала. Это же уникальный шанс – увидеть процесс адаптации.

Горю желанием доказать свою догадку. Надеюсь, это не просто мои фантазии.

– Давайте дадим девочке шанс, – неожиданно вступает миссис Хит.

Мистер Маскерано тяжело вздыхает:

– Ну хорошо.

Я зловеще улыбаюсь и встречаюсь взглядом с Крейдом. Его зрачки внезапно расширяются, будто он поймал мой вызов.

Уф... Предвкушение щекочет нервы. Ох, как же будет весело. Жду не дожусь, когда приступлю к его обследованию. Руки сами собой сжимаются в кулаки – так и хочется потирать ладони и смеяться, как Круэлла.

– Мистер... – беру его карту, скользя пальцем по строке с именем, – Крейд. Теперь я ваш лечащий врач.

– Зайен, – вдруг раздается тихо, низкий и бархатистый голос.

Таким тембром можно озвучивать триллеры или читать

эротические романы. Да, его можно слушать вечно.

Господи, Ника! О чем ты вообще думаешь?

– В четыреста вторую его, – отдает распоряжение мистер Маскерано санитарам. – Мисс Фишер, я закажу вам такси, – поворачивается ко мне. – Мне придется остаться оформлять нового пациента.

Киваю в ответ, наблюдая, как санитары уводят Крейда по длинному коридору. Он внезапно оборачивается – будто чувствует мой взгляд на себе. По спине снова пробегают ледяные мурашки. Быстро отвожу глаза, стараясь сохранить профессиональное равнодушие.

Иду переодеваться, усталость наваливается тяжелым грузом. Сегодняшний день вымотал меня полностью.

Такси уже ждет у выхода. Бостонский вечер встречает меня прохладным воздухом. Часы показывают девять вечера, но для моего организма сейчас глубокая ночь. Набираю короткие сообщения родным, пальцы едва слушаются от усталости.

В салоне такси невольно закрываю глаза. Разница во времени даёт о себе знать – тело требует сна здесь и сейчас. Водитель вежливо будит меня, когда мы подъезжаем к дому. Благодарю его и выхожу на улицу.

Квартира встречает тишиной. Первым делом – долгожданная ванна. Горячая вода смывает напряжение дня, расслабляя каждую мышцу. Живот предательски урчит, напоминая о пропущенном ужине, но сил идти на кухню уже нет.

Ничего. Голодание пойдет мне на пользу. Может, хоть немного похудею.

Последнее, что вижу перед сном – тень от дерева за окном, танцующую на потолке. Завтра новый день. И мой первый сеанс с Зайеном Крейдом.

—

Дорогие читатели, приглашаю вас в еще одну новинку нашего литмоба

"Даже если сожжены мосты"

<https://litnet.com/shrt/g7Ms>

Глава 4

Шаловливые пальцы скользят вверх по моему бедру, едва касаясь кожи, оставляя за собой след из мурашек. Каждое прикосновение обжигает. Губы опускаются ниже, горячие и влажные, оставляя на животе дорожку из поцелуев, которые смешиваются с легкими укусами.

Закидываю голову назад, впиваясь пальцами в простыни.

Боль? Нет. Это не боль. Это нечто большее – острые вспышки удовольствия, которые растекаются по телу, разжигая огонь еще сильнее.

Внизу живота нарастает знакомое напряжение, пульсирующее и ненасытное.

Ласковые, но уверенные пальцы находят ту самую чувствительную точку между моих ног. Первое же прикосновение заставляет выгнуться, стон вырывается из груди сам собой.

Это нереально.

Невыносимо.

Прекрасно.

Пока одна рука играет с клитором, заставляя волны удовольствия накатывать снова и снова, другая находит мои соски – уже твердые, отзывчивые на каждое движение. Пальцы сменяются губами, горячими и жадными. Они кусают, за-

ставляя вздрагивать, а затем зализывают, словно извиняясь.

Я уже на грани. Тело дрожит, требует разрядки, но ее все нет.

Два пальца входят внутрь, двигаются медленно, мучительно, будто растягивая каждую секунду наслаждения. Не выдерживаю, начинаю двигаться в такт, насаживаясь на них, пытаюсь ускориться. Но как только я близка к кульминации, движения замедляются.

Хнычу, впиваясь ногтями в простыни, уже мокрые от пота.

– Пожалуйста... – шепчу, но в ответ только тихий смех.

И вот, наконец, ритм ускоряется. Быстрее. Сильнее. Уже не могу думать, не могу дышать.

И тогда он накрывает меня – волна за волной, сотрясая каждую клеточку моего тела. Сердце бьется так сильно, что кажется, вот-вот вырвется из груди.

В крошечной темноте над моим телом нависает силуэт.

– Вы удовлетворены, мисс Фишер?

Голос.

Этот голос.

Низкий, бархатистый, пропитанный властью.

Луна вырывается из-за туч, освещая лицо...

Он...

Резко открываю глаза и буквально подсакиваю на кровати, как ошпаренная. Сердце колотится так, будто пытается вырваться из груди. В панике озираюсь по сторонам, всмат-

риваясь в каждый угол темной комнаты.

Пусто. Только я и тени, пляшущие на стенах в лучах утреннего солнца.

Выдыхаю, осознавая, что это был всего лишь сон. Всего лишь сон.

Выглядываю в окно – на улице только начинает светать, небо окрашено в нежные персиковые тона. Часы показывают шесть утра. Рука непроизвольно скользит вниз, под трусики.

Мокрая. Насквозь.

Как, блять, так?! Всего один день в этой клинике – и я уже вижу эротические сны о своем пациенте? Или это просто организм мстит за месяцы воздержания?

Направляюсь в ванную, по пути пытаюсь отогнать ненужные мысли.

Наполняю ванну и погружаюсь в воду. Мне нужно смыть остатки этого... этого кошмара.

Но как только пальцы касаются груди, вздрагиваю. Соски чувствительные, набухшие, будто все еще помнят прикосновения из сна.

Черт! Если сейчас не получу разрядку, весь день буду как на иголках.

Опускаю руку ниже, нащупывая чувствительный клитор. Легкий нажим – и из груди вырывается стон. Закидываю ноги на бортики ванны, принимая непристойно открытую позу. Пальцы начинают двигаться – быстрые, точные движения, выписывающие заветные узоры. Голова запрокидыва-

ется назад, глаза закрываются. Оргазм накатывает быстро, но он... Недостаточный. Как легкий перекус, когда хочется полноценного ужина.

Мне срочно нужен полноценный секс. Ведь не есть хорошо, что мое подсознание начало подкидывать такие сны. С подопечным, черт возьми!

Завтрак делаю плотным – яйца, тосты, авокадо. Запиваю все крепким кофе, который должен перебить остатки сонливости.

Перед зеркалом наношу макияж – тонкие стрелки, один слой туши. Спасибо маме за генетику и мои густые ресницы. Волосы убираю в тугую косу – сегодня нет времени на локоны.

Выбираю строгий, но соблазнительный наряд – черную блузку с глубоким вырезом и бордовую кожаную юбку, которая подчеркивает каждый изгиб моего сочного тела.

Мистер Маскерано прислал смс – такси уже в пути. К восьми утра я полностью готова. Перед выходом наношу алую помаду – один мазок, и образ завершен.

Клиника встречает меня стерильным запахом антисептика и слабым гудением флуоресцентных ламп. Пропускная система не вызывает проблем – все необходимые документы у меня уже на руке. Иду по коридору, стараясь сохранять профессиональную уверенность, но как только вспоминаю сон – смущаюсь.

Каждый встречный получает вежливое «Доброе утро» –

от санитаров до медсестер. Надеваю белоснежный халат и направляюсь к кабинету мистера Маскерано.

Стучу.

Жду.

– Войдите.

Кабинет утопает в полумраке – шторы лишь слегка раздвинуты. За столом, похожий на изможденного профессора из готического романа, сидит мистер Маскерано. Его обычно аккуратно уложенные волосы торчат в разные стороны, а лицо приобрело сероватый оттенок.

– Доброе утро! – говорю бодро.

Он поднимает на меня глаза, и в них читается глубокая усталость.

– Здравствуйте, мисс Фишер.

Подхожу ближе к столу, заваленному бумагами и пустыми кофейными стаканами.

– С вами все хорошо? – наклоняю голову, изучая его лицо. – Выглядите неважно.

Пожилой мужчина потирает переносицу, оставляя красные следы от очков.

– Ночь была тяжелая.

Пауза.

Он смотрит на меня и вдруг – впервые за все время – обращается по имени:

– Ника... – его голос звучит почти умоляюще, – может, ты все-таки выберешь другого подопечного?

Вопрос повисает в воздухе. Выпрямляюсь, а внутри закипает сопротивление.

– Нет, – отвечаю твердо, вкладывая в это слово всю свою уверенность. – Я уже настроена на работу с ним.

Мои пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки.

Я не отступлю.

После моих слов выражение мистера Маскерано меняется. Его пальцы судорожно сжимают край стола, оставляя на бумагах морщинистые следы.

– Пообещай мне, что будешь очень аккуратна, – говорит таким тоном, будто прощается с жизнью.

Фыркаю, скрещиваю руки на груди.

– Ой, да что со мной случится?!

– Ох, Ника-Ника... – выдыхает так тяжело, что его плечи заметно опускаются.

Именно в этот момент до меня доходит – его страх не театральный. Это не обычная профессиональная осторожность. Что-то конкретное заставляет его так реагировать.

– Мистер Маскерано, – наклоняюсь вперед, опуская голос до доверительного шепота, – если вам есть что сказать – говорите. И я обещаю, что все останется между нами.

Вижу, как в его глазах мелькает борьба. Он открывает рот, делает вдох... и в последний момент отводит взгляд.

– Мисс Фишер, можете идти. Как раз в смотровом кабинете идет обследование вашего подопечного.

– А почему меня не дождались? – возмущение заставляет

мой голос дрогнуть.

— Его только минут пять назад начали, так что можете идти.

Поворачиваюсь к двери, чувствуя его тревожный взгляд у себя в спине.

Коридор кажется длиннее обычного. Мои шаги гулко отдаются в тишине. Рука на ручке двери смотрового кабинета на мгновение замирает — что-то внутри кричит, чтобы я развернулась и убежала.

Я открываю дверь и застываю на месте.

Он стоит спиной ко мне — совершенно обнаженный, его мускулистая спина напряжена под яркими лампами.

Пациент поворачивается. Медленно. Нарочито. Его пронзительный взгляд буквально может убить. Голубые глаза, такие же как во сне, изучают меня с ног до головы, будто сдирая с меня одежду и халат одним лишь взглядом. И от этого всего по позвоночнику бегут мурашки.

Время будто замирает. Мы смотрим друг на друга, не моргая, словно участвуем в странном состязании. Его глаза — ледяные, пронзительные, будто видят меня насквозь.

— О-о-о, Ника. Доброе утро, — голос миссис Хит вырывает меня из этого гипнотического состояния.

Резко отвожу взгляд, замечая пожилую медсестру, выглядывающую из-за ширмы.

Что она делает? Там должен стоять мой подопечный, а не она.

По комнате расставлены санитары – двое крепких мужчин, стоящих наготове. Их присутствие должно успокаивать, но почему-то только усиливает ощущение опасности.

Миссис Хит замечает мое замешательство и мягко смеется.

– Привыкай, милочка, к таким осмотрам. Эту процедуру мы проводим дважды в неделю со всеми пациентами. Прочь смущение.

Сглатываю ком в горле, стараясь не смотреть в сторону Зайена. Не смущаться – легко сказать. Не ей снилось, как... Мысли резко обрываю.

– А где его карта? – спрашиваю, пытаюсь взять себя в руки.

Миссис Хит кивает в сторону стола.

Чтобы добраться до нее, мне предстоит пройти мимо обнаженного Крейда. Собираю всю свою волю в кулак и делаю первый шаг.

И тут его пальцы слегка касаются моей руки. Мгновенный разряд тока пробегает по всему телу. Резко одергиваю руку, встречаясь с его взглядом.

Его лицо – каменная маска. Но глаза... Они горят. Горят тем самым странным огнем, который заметила еще вчера.

Сердце бешено колотится, когда почти бегу к столу, хватаю карту и утыкаюсь в нее, как в спасательный круг. Но даже теперь, когда старательно изучаю документы, чувствую пронзительный взгляд на себе. Он все еще наблюдает. Он все еще оценивает. И самое страшное – мне до боли интересно,

о чем он сейчас думает.

Зайен Алан Крейд – двадцать четыре года.

Пальцы непроизвольно сжимают край карты, когда осознаю – мы ровесники. Ему в феврале, мне в июле. Такая нелепая, обиденная деталь среди этих сухих медицинских фактов.

Рост – 188 см. Вес – 84 кг. Диагноз... Тот же, что озвучил мистер Маскерано. Примечание: семь жертв. Предварительные пытки перед убийством.

По спине пробегает ледяная волна. Поднимаю взгляд.

Он стоит там – высокий, статный, с умопомрачительным телом. Ничто в его внешности не выдает монстра. Ни тени в этих голубых глазах, ни дрожи в этих сильных руках.

Миссис Хит методично проводит осмотр, ее движения профессиональны и безэмоциональны. Она словно проверяет машину, а не человека, способного на невообразимую жестокость.

– А он все время молчит? – спрашиваю, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Единственное слово, которое от него услышала, это было его имя, – миссис Хит бросает на меня взгляд. – Он вчера сказал его тебе.

В этот момент Крейд поворачивает голову. Наши взгляды снова встречаются. Вглядываюсь в глаза, пытаюсь разгадать этого мужчину. И замечаю – зрачки расширяются, как у кота, увидевшего птицу за окном.

– Что-то у нашего пациента очень часто бьется сердце, – удивленно замечает миссис Хит, пальцы на его запястье.

Мысль приходит внезапно. Непрофессиональная. Неэтичная. Но слишком заманчивая.

Подношу ручку к губам, медленно закусываю пластиковый колпачок, не отрываясь от его глаз.

Кадык парня резко двигается. Его взгляд прилипает к моим губам. Убираю ручку, провожу языком по губе и закусываю. Не могу сдержать усмешку.

– Ох, боже ты мой! – восклицает миссис Хит, и в ее голосе столько изумления, что я мгновенно отрываюсь от карты.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

– У меня впервые на практике такое! Как такое возможно?! – ее пальцы нервно теребят стетоскоп. – Ему же дали внушительную дозу препаратов!

Я изгибаю бровь, всем видом показывая, что не понимаю, о чем речь. Миссис Хит многозначительно кивает в сторону Крейда.

Опускаю глаза – и моментально горячая волна накрывает меня с головой, когда вижу возбужденный мужской член.

– О... – это все, что я могу выдавить из себя.

Лицо пылает так, будто я стою у открытой печи. Быстро прикрываюсь его картой, оставляя на виду только глаза. Тихий смешок вырывается из груди – нервный, смущенный.

– А что за препараты ему дают? – спрашиваю, стараясь говорить как можно более профессионально, несмотря на пы-

лающие щеки.

– В карте написано.

Опускаю карту на стол, лихорадочно листая страницы. Нахожу список препаратов – он занимает целую страницу.

– Да с такой лошадиной дозой у него не должно быть... – начинаю я, но голос предательски срывается.

– А я о чем! – Миссис Хит разводит руками, будто демонстрируя очевидное.

Мы обе смотрим на Крейда. Он стоит совершенно невозмутимо, будто все это его нисколько не касается. Только в уголках его губ играет едва заметная улыбка.

– Ладно, осмотр мы окончили, – вздыхает женщина. – Парни, одевайте его.

Санитары берутся за дело, а миссис Хит поворачивается ко мне.

– Ника, ты сейчас можешь начинать работу с ним. Санитары отведут его в кабинет для сеансов, – делает паузу. – Но только я не уверена, что ты сможешь вытащить хоть слово из него.

Миссис Хит аккуратно вносит последние данные в карту и передает ее мне.

Иду следом за санитарами и Крейдом, ощущая, как между моими лопатками собирается липкий пот. Кабинет для сеансов маленький, тесный – специально созданный, чтобы вызывать у пациентов чувство безопасности. Но сейчас он кажется клеткой.

Санитары уходят, оставляя нас наедине. Мы сидим друг напротив друга, разделенные лишь столом. Откладываю карту в сторону, делаю несколько пометок в блокноте – больше для видимости, чтобы собраться с мыслями.

– Зайен... – произношу его имя медленно, растягивая слоги, будто пробуя на вкус.

Оно кажется слишком мягким для человека с такой историей.

Его глаза – два бездонных океана – смотрят прямо на меня. Этот вечный, нервирующий зрительный контакт.

– Что же ты за человек? – вопрос выскальзывает сам собой, больше для меня, чем для него.

Тишина. Но я вижу по едва заметному изменению в его взгляде – он понимает.

Улыбаюсь – широко, вызывающе. Его зрачки расширяются еще больше, поглощая голубую радужку.

– Говорить не будешь со мной? – спрашиваю, одновременно изучая каждую микроскопическую деталь красивого лица.

Ничего. Ни единой морщинки, ни малейшего подрагивания мышц.

Черт побери!

Перехожу к стандартным методикам – показываю карточки с изображениями, задаю простые вопросы. Никакой реакции.

Раздражение поднимается горячей волной.

Хлопаю ладонями по столу, вскакиваю со стула. Наклоняюсь вперед, опираясь на руки. Наши лица теперь так близко, что я чувствую его дыхание – ровное, спокойное, будто все это его ничуть не волнует.

– Я все вижу! – шиплю сквозь сжатые зубы. – Тебе не провести меня!

Мои слова висят в воздухе между нами.

– Ты – убийца, но не человек с психическим диагнозом, который написан в карте!

Резко разворачиваюсь, адреналин пульсирует в висках. Дверь захлопываю с такой силой, что аж дребезжит.

Санитары встретили мой выход из кабинета округлившимися глазами. Их брови взлетели вверх от удивления.

– Заберите его, – отрывисто кидаю, не глядя в их сторону. – На сегодня достаточно.

Бросаю взгляд на часы – час дня.

Черт возьми. Время словно песок сквозь пальцы – только вошла в кабинет, и уже полдня прошло.

Желудок предательски урчит, напоминая, что завтрак был давно, а нервы уже изрядно потрепаны.

Пищевой блок. Нужно добраться до пищевого блока и наконец-то поесть.

По пути встречаю мистера Маскерано. Он выглядит еще более изможденным, чем утром – глаза запавшие, кожа сероватого оттенка. Ничего не осталось от того добродушного старичка, которого встретила в универе.

– Мисс Фишер, – его голос звучит глухо, как будто из-под земли.

Он подходит ближе, и я улавливаю запах чего-то лекарственного.

– Ну как? – начинает он, и в его глазах читается тревожное ожидание.

– Молчит, – пожимаю плечами, стараясь казаться невозмутимой. – Совершенно.

Мистер Маскерано вздыхает, проводит рукой по лицу.

– Ника, я все же настаиваю...

– Нет, – перебиваю его резче, чем планировала.

Теперь это уже вопрос принципа. Я докопаюсь до истины, чего бы это ни стоило.

Его губы сжимаются в тонкую линию, но он лишь кивает.

– Ваш рабочий день сегодня до двух, – говорит, меняя тему. – Завтра выходной.

Выходной. Мысль о свободном дне вызывает странное чувство облегчения. Нужно закупить пару вещей, да и город толком не видела еще.

После обеда быстро собираю вещи, но перед уходом делаю крюк – заскакиваю в комнату видеонаблюдения. Пальцы лихорадочно переключают камеры, одна за другой. Странно... Почему за палатой моего подопечного нет наблюдения? Это нарушение всех протоколов. В голове тут же выстраиваются тревожные догадки, но пока оставляю их без ответа.

Такси мчит по улицам Бостона, а я уставилась в окно, пе-

ребирая в голове сегодняшние события. Только выхожу у своего дома – и вдруг:

– Привет!

От неожиданности подпрыгиваю, оборачиваюсь – Рейна. Она стоит, переминаясь с ноги на ногу, в руках крутит ключи.

– Второй день тебя караулю! Вчера очень долго ждала, но не дождалась.

– А зачем? – удивляюсь, поправляя сумку на плече.

– Хотела еще раз поблагодарить и... пригласить в клуб.

– Разве в Штатах пускают несовершеннолетних? – поднимаю бровь.

Рейна расплывается в хитрой улыбке:

– Когда хозяин клуба – сын твоей крестной, то да.

Задумываюсь. Почему бы и нет? После сегодняшнего дня нужно расслабиться. Да и... может получится кого-то подцепить. На данный момент в сексе нуждаюсь больше, чем в еде.

– Я согласна.

– Отлично! В восемь заеду на такси.

Прощаемся, и я поднимаюсь в квартиру. Первым делом – звонок Дашке. Два часа сплетен и воспоминаний. Потом мама – она уже знает о нашем расставании с Лешей. Почему? – единственное, что она спросила. Не любим друг друга, – отвечаю честно. Мама лишь вздыхает – она всегда чувствовала фальшь в наших отношениях. После позвонила Деме, и с

ним проболтала не меньше часа.

Вешаю трубку, смотрю на часы. До выхода – два часа. Пора готовиться к «охоте».

Глава 5

После ванны начинаю сушить волосы, наблюдая, как пряди постепенно выпрямляются под струей горячего воздуха. В зеркале отражается мое лицо – слегка покрасневшее от пара.

Наношу тушь – один слой, чтобы лишь подчеркнуть естественную густоту. Губы покрываю прозрачным блеском, который делает их соблазнительными.

Открываю шкаф. Пальцы скользят по вешалкам, пока не наткаются на черное платье-пиджак – строгое, но с глубоким вырезом, подчеркивающим грудь. Идеальный баланс между элегантностью и сексуальностью. Дополняю весь образ замшевыми ботфортами на небольшом каблуке.

Мы с Рейной не обменялись номерами, поэтому выхожу на пять минут раньше – не хочется заставлять ее ждать.

Ночь уже опустилась на Бостон, воздух прохладный, но не холодный – идеальный для вечернего выхода.

Через две минуты подъезжает такси. Рейна распахивает дверь.

– Запрыгивай!

Машина трогается, едва я успеваю пристегнуться.

– Ты такая красивая, – восхищенно говорит девушка, разглядывая меня. – И волосы у тебя обалденные.

– Ты тоже потрясающе выглядишь, – улыбаюсь в ответ. –

Вот только весь этот боевой раскрас прибавляет тебе года три.

– На это я и надеялась! – смеется, и ее улыбка такая искренняя, что я не могу не рассмеяться в ответ. – А сколько тебе лет?

– Через три месяца будет двадцать четыре.

Она изучает меня с любопытством, но это не вызывает ни капли смущения. Наоборот – приятно, что кто-то так открыто восхищается.

– Многие подумают, что мы сестры, – замечает Рейна, поправляя прядь своих темных волос.

– Пусть думают, – подмигиваю ей. – Нам это только на руку.

Город мелькает за окном, огни рекламных вывесок сливаются в разноцветные полосы.

Двадцать минут пути – и мы на месте. Задираю голову, разглядывая неоновую вывеску, которая пульсирует в такт музыке, доносящейся изнутри. «Outspoken buzz» – откровенный кайф. Название обещает то, что мне сейчас нужно: свободу, раскрепощение, возможность забыть о...

Рейна хватает меня за руку и тянет не к главному входу, где уже выстроилась очередь, а к неприметной двери сбоку – служебному входу. Ее стук по дереву быстрый, ритмичный – явно условный сигнал. Дверь открывает девушка с розовыми волосами и пирсингом в брови. Они перебрасываются парой слов, и вот мы уже проходим через кухню, где повара в белых

колпаках лихорадочно готовят закуски.

Зал встречает нас оглушающим звуком. Все танцуют настолько тесно, что даже непривычно. Пятница – вечер, когда город выпускает пар, и это чувствуется в каждом взгляде, каждом движении.

На баре заказываю два слабоалкогольных коктейля – разноцветных, с дольками фруктов и зонтиками. Для меня это просто сладкий лимонад – алкоголь почти не берет, если, конечно, не пить чистый виски или водку.

Музыка становится громче, а людей все больше и больше. Скольжу взглядом по мужским лицам, но ни в одном не вижу того, что заставило мне его захотеть. Все какие-то однообразные.

Алкоголь на малышку действует быстро – Рейна уже слегка покачивается в такт музыке.

Нехорошо малолеток спаивать, – мелькает мысль, но тут же отмахиваюсь от нее. Сама же такой была.

Мы пробираемся сквозь толпу в центр. Танцуя, ловлю на себе чей-то пристальный взгляд. Оборачиваюсь – вокруг лишь безликая масса людей. Паранойя.

– Ника! – крик Рейны прорывается сквозь шум.

Она что-то оживленно обсуждает по телефону, затем, повесив трубку, прижимается губами к моему уху.

– Сейчас познакомлю тебя с хозяином клуба! Он такой классный! Был бы младше, замутила с ним, – хохочет и тащит меня в неизвестном направлении.

Когда подходим к железной лестнице с подсветкой, раскрываю рот. Охренеть! Даже и не заметила второй этаж.

Наверху тише, воздух не такой спертый. Вип-зона – все как положено: полумрак, низкие диваны, бутылки в ведерках со льдом. У дальнего стола – компания: двое парней и девушка. Один из мужчин поднимается и идет к нам навстречу.

– Мартышка, меня когда-нибудь твоя мама убьет, – улыбается парень во весь рост и обнимает Рейну.

– Киллиан, не ссы в штаны, – она бьет его по плечу, смеясь.

– Ох, и договоришься ты когда-нибудь! – грозит пальцем, но в глазах – искренняя нежность.

Присматриваюсь: парень старше меня годика на три-четыре, высокий, с подтянутой фигурой и внушительной бородой. Лицо смазливое, но это не портит общее впечатление. Скорее добавляет шарма, особенно когда проявляются ямочки на щеках. Ничего такой. Можно сказать, что в моем вкусе. Очень даже в моем.

Когда его взгляд останавливается на мне, замечаю, как зрачки расширяются – знакомый признак интереса.

– Да ну на хер! – присвистывает и, не церемонясь, начинает обходить меня по кругу, изучая со всех сторон.

Замираю на месте, слегка ошарашенная такой наглостью. Рейна заливается смехом, явно наслаждаясь моей реакцией.

– Ника, познакомься, этот невоспитанный парень – Киллиан, – с театральным вздохом представляет она, размахива-

ясь рукой в его сторону. — Киллиан, эта прекрасная девушка — Ника.

— Приятно познакомиться, — протягивает руку.

А мне-то как! — проносится в голове, и я мысленно потираю ладони, ощущая внезапный прилив азарта. Вот он именно тот, кто мне сегодня нужен.

— Вы родственники? — Киллиан переводит взгляд между мной и Рейной, в голосе слышится искреннее любопытство.

— Нет, — отвечаю первой. — Мы...

— Я как-нибудь потом расскажу, как мы с ней познакомились, — перебивает она, лукаво подмигивая. — А теперь хватит трепаться, лучше угости девушек! — ее локоть бьет в его бок с игривой грубоватостью.

Киллиан знакомит меня со своими друзьями — парнем с хищным профилем и миниатюрной брюнеткой. Затем делает широкий жест в сторону официанта, заказывая коктейли.

— Только помни, — шепчет он Рейне, но так, чтобы слышала и я, — твоя мать меня когда-нибудь убьет за это.

Он устраивается рядом со мной, его бедро почти касается моего. Боковым зрением ловлю его взгляд — не скрываемый, наглый, полный откровенного желания. Он не просто смотрит — он мысленно раздевает, пробует, владеет.

Да-да, ты тоже в моем вкусе, — шепчет внутренний голос, когда мой взгляд скользит по его сильным рукам.

Мысли становятся все менее приличными. Надеюсь, в его штанах все соответствует внешним данным — у меня дей-

ствительно большие планы на эту ночь. Пусть это звучит похабно, но я живой человек, и долгое воздержание дает о себе знать.

Рейна уже еле стоит на ногах – ее смех стал громче, движения размашистее. А я? Я трезва как стекло. Алкоголь будто испаряется в моей крови, не оставляя и намека на опьянение.

Киллиан внезапно выхватывает мой бокал и делает большой глоток, не отрывая от меня глаз. Я поднимаю бровь, наблюдая, как его кадык двигается при глотании.

О, мама дорогая! У меня точно овуляция!

– Вкусно? – забираю бокал обратно, специально касаясь его пальцев.

– Вкусно, – облизывает губы, затем проводит рукой по идеально гладкому подбородку. – Вот только не пойму одно... – пальцем указывает на меня, – то ли ты мастерски держишься, не показывая, что пьяна, то ли сливаешь коктейли куда-то.

Смех вырывается из меня – искренний, громкий. Сколько раз я слышала это от людей!

– Открою тайну, – наклоняюсь к его уху и практически касаюсь его губами. – Я не пьянею. Чтобы хоть немного опьянеть, мне нужно что-то покрепче.

Его глаза вспыхивают, как будто я только что выдала самый заманчивый секрет.

– Да что же ты молчала?! – вскакивает. – Сейчас все бу-

дет! – затем осекается. – А перед этим я мартышку домой отправлю. Хватит с нее на сегодня. Маленьким девочкам пора уже спать.

Да, с Рейны на сегодня хватит. Она уже бормочет что-то невнятное, обнимая пустую бутылку.

– Ты же останешься? – его вопрос звучит как просьба и требование одновременно.

– Останусь, – отвечаю спокойно.

Я уже давно решила, что сегодня займу на ночь этого очаровательного парня.

Киллиан уводит Рейну, которая слабо протестует, но в итоге сдается. Его друзья исчезли еще полчаса назад – видимо, поняли, что здесь они лишние.

Оставшись одна, решаю найти туалет. Длинный коридор, приглушенный свет, музыка здесь едва слышна.

Дергаю ручку в туалет – заперто. И тут... Стоны. Четкие, недвусмысленные, доносящиеся из-за двери. Замираю прислушиваясь. Кто-то явно не теряет времени зря и решил потрахаться в общественном туалете. Морщусь от брезгливости – какие же люди нечистоплотные.

Пять долгих минут слушаю эти театральные стоны, которые даже девственница изобразила бы убедительнее, чем та по ту сторону двери.

– Да кончай ты уже! – барабаню в дверь, теряя терпение. – Сил нет слушать эту фальшь!

Разворачиваюсь спиной к двери, опираюсь на нее и начи-

наю методично стучать каблуком. Дверь внезапно распаивается.

– Блять! – вырывается у меня по-русски, когда я начинаю падать назад.

Но пола не чувствую – сильные руки ловят меня в последний момент. От неожиданности широко раскрываю глаза.

Черт возьми! Передо мной – тот самый мужчина из аэропорта.

– Видимо, это судьба, – его губы растягиваются в самоуверенной ухмылке.

– Не думаю, – кривлюсь, осознавая, что он держит меня теми же руками, которыми только что лапал ту девушку, и уж точно не ограничивался при этом одной лишь талией. – Скорее всего, случайность.

Он помогает мне встать на ноги, и в этот момент из туалета вылетает раскрасневшаяся блондинка с растрепанной прической.

– Извиняюсь, что прервала процесс соития, – проскальзываю в туалет, хлопая дверью перед его носом, – но я очень нуждалась в уборной.

Когда выхожу, он все еще там – прислонился к стене, заложив руки в карманы.

– Меня Димитрий зовут, – представляется, будто мы встретились на светской тусовке, а не в туалете ночного клуба, в котором он трахался буквально вот-вот.

– Ника, – отвечаю из вежливости.

– Может, присоединишься ко мне и моим друзьям?

Мой смех звучит резко и невежливо.

– Нет уж, спасибо. Если тебе не хватило, позови ту фальшивую соловушку.

Наблюдаю, как его лицо искажается. Ах, как же больно осознавать, что партнерша притворялась.

– Мне пора.

Разворачиваюсь и направляюсь в сторону зала, оставив его с глупым выражением лица. Но через несколько шагов оборачиваюсь.

– И Димитрий, – добавляю через плечо, – в следующий раз выбирай не общественное место для перепихона.

Киллиан сидит вальяжно развалившись на диване, будто это его личный трон. Я плюхаюсь рядом с ним.

– А я думал, ты свалила, – его губы изгибаются в полуулыбке, и я снова залипаю на этой чертовой ямочке на щеке.

– Не сегодня, – отвечаю, закидываю ногу на ногу.

– Где была? – его пальцы барабанят по стеклу бокала.

– В туалет ходила, – морщу нос. – Кстати, вам нужно повесить табличку: «Здесь исправляют нужду, а не ебутся». Чуть не описалась, пока ждала, когда потрахаются.

Киллиан взрывается звонким смехом, его рука тяжело ложится мне на плечо.

– Ну а что? Экстремально зато, – притягивает меня ближе. – Разнообразие еще никому не вредило.

– Разнообразить сексуальную жизнь можно и вне обще-

ственного туалета, – бросаю ему прямо в глаза.

Он тяжело сглатывает, его кадык дергается. Протягивает мне стакан с янтарной жидкостью. Виски обжигает горло, оставляя после себя шлейф тепла. То, что доктор прописал.

– Расскажи о себе, – его шепот горячим ветерком касается уха, нос скользит по моей шее, оставляя мурашки.

– Я из России.

– Да? – он отстраняется, удивленно поднимая брови.

– Да.

– Я бы и не подумал. Даже акцента нет.

– Спасибо деду, – хвастаюсь, – он меня штудировал по иностранным языкам, – делаю паузу для эффекта. – И немецким тоже владею.

Киллиан оказывается интересным собеседником – умным, начитанным, с острым чувством юмора. Но несмотря на его обаяние, я четко понимаю: он привлекает меня только в сексуальном плане. Не больше. И когда его рука опускается на мое бедро, не отстраняюсь. Ведь именно для этого я и осталась.

– Что ты сейчас больше всего желаешь? – бросаю прямой вопрос, сжимая его футболку в кулаке.

Мой взгляд скользит вниз, затем снова встречается с его глазами – я прекрасно знаю, какой ответ хочу услышать.

– Честно? – его голос становится низким, хрипловатым.

Зрачки расширены настолько, что почти поглотили радужку.

– Со мной только так, – закусываю нижнюю губу, а по телу пробегает дрожь.

В следующий миг его рука впивается в мою талию, притягивая так близко, что я чувствую его учащенное дыхание на своих губах. Он замирает – джентльмен до последнего, ждет моего ответа. Думает не рискну? Еще как рискну. С самого знакомства задалась целью с ним переспать.

Сама набрасываюсь на него – губы горячие, настойчивые, язык со вкусом виски и мяты. Чувствую, как он улыбается в поцелуе, слишком довольный собой. Чтобы охладить его пыл, слегка прикусываю язык. Киллиан не растерялся – в ответ захватывает мою нижнюю губу зубами, заставляя вскрикнуть.

– Больно, – выдыхаю ему в губы, но не отстраняюсь.

– Знаю, – шепчет, прежде чем снова поцеловать – теперь требовательнее, глубже, откровеннее.

Его пальцы впиваются в мой затылок, удерживая крепко. Пальцы впиваются в бедра, подол платья задирается выше, обнажая кожу. Где-то на заднем фоне музыка – но все это кажется таким далеким. Единственное, что имеет значение сейчас – это его тело, прижатое к моему, его руки, исследующие каждый изгиб.

Киллиан внезапно отрывается, его дыхание неровное, губы слегка опухшие от наших поцелуев.

– Я бы хотел продолжить, но настаивать не буду.

– А я хочу, чтобы ты настоял, – поднимаю бровь, а уголки

губ сами собой выгибаются в вызывающей ухмылке.

Лицо парня озаряется широкой, почти мальчишеской улыбкой. В следующее мгновение он подскакивает с дивана и тянет меня за собой.

– Подожди! – успеваю выкрикнуть, цепляясь за его руку.

– Только не говори, что передумала, – оборачивается нахмурившись.

Его взгляд – смесь возбуждения и опасения – заставляет меня рассмеяться.

– Мне не пятнадцать, – кладу ладони на его грудь. – И я прекрасно понимаю, что взрослому парню нужна разрядка после возбуждения.

– Тогда что? – голос звучит хрипло.

– Я не буду заниматься сексом в туалете или в твоем кабинете.

Киллиан притягивает меня к себе в ответ, его поцелуй – быстрый и жадный.

– Мы идем ко мне, – говорит, отстраняясь ровно настолько, чтобы я увидела решимость в его глазах. – Я живу напротив.

Больше не тратя времени на слова, он снова тянет меня за собой. Мы пробиваемся сквозь толпу прямо к выходу. Ночь встречает нас прохладным воздухом, но тело горит настолько, что я не чувствую холода. Мы перебегаем дорогу, его пальцы крепко сцеплены с моими, будто боясь, что передум-

маю.

Лифт медленно поднимается, но нам кажется, что он летит слишком быстро. Киллиан прижимает меня к холодной металлической стенке, его губы горячие и влажные на моих. Рука сжимает бедро так крепко, что взвизгиваю.

Мои пальцы скользят под его футболку, исследуя каждую выпуклость, каждый изгиб. Тело под тканью твердое, но не перекачанное – идеальный баланс между силой и гибкостью.

Мы даже не замечаем, как оказываемся в квартире. Все сливается в одно. Голова кружится, низ живота сжат тугим узлом желания. Два месяца без секса дают о себе знать – тело жаждет прикосновений, требует, умоляет.

– Боже, – выдыхаю, когда он поднимает меня на руки.

От неожиданности вскрикиваю – я не пушинка, но он несет меня легко, будто и правда ничего не вешу.

Кровать.

Он ставит меня возле нее, не разрывая поцелуя. Его губы перемещаются на шею – жестко, без нежностей. И мне это нравится. Пуговицы моего платья расстегиваются одна за другой. Ткань скользит по коже, падает на пол бесшумным черным облаком. Киллиан садится на край кровати, притягивая меня к себе. Я оказываюсь у него на коленях, лицом к лицу. Его руки скользят по спине, сжимают ягодицы, заставляя меня выгнуться. Лифчик исчезает – даже не понимаю, когда он его снял.

Большая ладонь сжимает грудь с почти детским удивле-

нием.

– Они настоящие! – восклицает он.

– И что тебя так удивляет? – смеюсь, но смех обрывается, когда его большой палец скользит по соску.

– Да это охренеть как круто!

Мурашки бегут по коже, когда он наклоняется и берет сосок в рот. Пальцы впиваются в его широкие плечи, тело выгибается само собой. Волна дрожи накрывает с головой – тысячи иголок покалывают кожу, особенно там, внизу, где я чувствую его твердый стояк через тонкую ткань брюк.

В одно мгновение оказываюсь на спине.

– Ах! – вырывается из меня.

Киллиан нависает надо мной, удерживая вес на напряженных руках. Его глаза – затуманенные желанием – изучают мое лицо.

– Ты нечто, – выдыхает мне в губы.

Его губы спускаются по шее к груди, оставляя влажный след. Трусики исчезают одним ловким движением. Пальцы раздвигают мокрые складочки, запуская в сокровенное местечко разряды. От этого все волоски на теле встают дыбом.

– Ммм... – стону, когда он начинает водить круги вокруг клитора.

Запускаю пальцы в его волосы и притягиваю ближе.

– Киллиан, да трахни ты уже наконец меня! – рычу, теряя последние остатки терпения.

Он отстраняется, растягивает ремень. Джинсы соскальзы-

вают на пол. Слышу шуршание фольги – он разворачивает презерватив, раскатывает латекс по своему возбужденному стволу. Затем снова чувствую тяжесть его тела на себе. Колено мягко, но настойчиво раздвигает мои бедра. Твердый член упирается во влажные складочки. Он отрывается от моих губ, и наши взгляды встречаются. Его глаза горят желанием.

– Готовься, – шепчет и всем телом подается вперед.

Острое удовольствие пронзает меня, заставляя выгнуться в дугу. Он выходит почти полностью – и снова входит, сильнее, глубже.

– А-ах! – вырывается, когда его руки подхватывают меня за бедра, погружая еще глубже.

Киллиан начинает двигаться мучительно медленно, и это сводит с ума. Нетерпение заставляет меня двигаться навстречу, требовать больше. Замечая мое рвение, он усмехается, а затем начинает наращивать темп. Его бедра начинают двигаться быстрее, сильнее, выбивая из меня стоны.

Мы меняем позы, как в какой-то порнухе – то он сверху, прижимая меня к матрасу, то я, оседлав его, скачу на нем в бешеном темпе, то он берет меня сзади, вбиваясь словно поршень. И снова по кругу.

Чувствую, что уже на грани.

– Я... – начинаю, но слова растворяются в крике, когда его пальцы находят мой клитор, надавливая точно в нужном месте.

Мир взрывается белым светом. Внутренние мышцы судорожно сжимают его, волны удовольствия смывают все мысли. Где-то на краю сознания слышу его рычание, чувствую, как его зубы впиваются в мою шею. Мы замираем, оба дрожа, оба тяжело дыша.

– Боже, – выдыхает он, и его голос звучит так, будто только что пробежал марафон.

Я не отвечаю. Не могу. Просто лежу, прислушиваясь, как его сердце бьется в унисон с моим.

– Ты неповторима! – хрипит с восхищением.

Я улыбаюсь, чувствуя приятную усталость во всем теле, и поднимаюсь с кровати.

– Спасибо. Мне тоже понравилось. Где ванна?

Киллиан указывает направление пальцем, и я иду, не стесняясь своей наготы. В этом есть что-то освобождающее.

Чем мне нравятся американские ванные комнаты, это тем, что у всех, в основном, есть и ванна, и душ. Смыв следы нашей страсти и похоти, заворачиваюсь в мягкое полотенце, выхожу обратно. Киллиан стоит у окна, обнаженный, курит, наблюдая за ночным городом. Его силуэт кажется еще более притягательным в полумраке.

– Надеюсь, ты не собираешься свалить? – спрашивает он, не оборачиваясь.

– Не дожدهшься, – шлепаю его по упругой попе, заставляя обернуться. – Тем более, я очень хочу спать. И будь добр, не будить меня, пока сама не проснусь.

– Все, что пожелаешь, – шепчет мне в губы, дыхание смешивается с запахом табака.

Когда он уходит в душ, я остаюсь одна. Открываю шкаф, нахожу его футболку и надеваю. Жаль, что прикрывает только верхнюю часть.

Как только голова касается подушки, тело мгновенно расслабляется. Последнее, что вижу перед тем, как погрузиться в сон – полоску света из-под двери ванной и тень за ней.

Глава 6

Мир возвращается ко мне медленно, нехотя, будто не хочет отпускать из своих объятий. Я открываю глаза – нет, не сразу, а через сопротивление. На часах восемь. Восемь утра. Моя внутренняя сова, та самая, что обычно закатывает истерику при мысли о раннем подъеме, сегодня молчит. Более того – она будто умерла, а на ее месте родился какой-то чужой, бодрый жаворонок, готовый встретить утро с дурацкой улыбкой.

Моргаю, пытаюсь понять, что не так. А потом мозг, еще не до конца проснувшийся, подкидывает обрывки вчерашнего: темнота, горячие губы на коже, тяжелое мужское дыхание в такт моему. Мы провели ночь в горизонтальном положении – в самом буквальном смысле.

Солнце бьет в окно, золотые блики ползут по стенам, по полу, по спущенному одеялу. Я лежу, прислушиваясь к своему телу – кости ломит, а между ног потягивает приятная боль.

И тут тяжелая рука ложиться на живот. Хочу повернуться, но пальцы приходят в движение – медленно, почти лениво, но с хищной грацией. Они скользят вверх, оставляя за собой след из мурашек. Эндорфины взрываются в крови, сердце стучит чаще, а где-то внизу живота сжимается теплое, тягучее желание.

Киллиан накрывает мою грудь ладонью, и я задерживаю дыхание. Больше. Еще. Пальцы сжимают сосок – резко, почти до боли, и из моих губ вырывается сдавленный стон. В одно движение он подминает под себя, и его «доброе утро» теперь упирается мне между ног. Мягкие губы проходятся поцелуями от ключичной впадинки по шее до ушка, прикусывая мочку, добирается до рта и сминает мои губы в жарком поцелуе.

– Доброе утро, – выдыхает Киллиан в мои губы.

Голос у него низкий, с утренней хрипотцой, и от этого возбуждаешься еще больше.

– Доброе... – начинаю я, но он не дает договорить.

Рука скользит между моих бедер, быстрый шелест фольги – и вот этот парень уже входит в меня, резко, до самого упора. Воздух вырывается из легких, и я вонзаю ногти в его плечи.

Это – лучшее начало дня.

Неважно, будний ли, выходной, зима за окном или летний зной – когда тебя так наполняют, так безжалостно и нежно выворачивают наизнанку, весь мир на мгновение останавливается.

*

Полчаса спустя стою под струями душа, позволяя воде смыть с кожи остатки сна, его прикосновений и жаркого секса. Киллиан остался в спальне – слышно, как он передвигает что-то, роняет на пол.

Когда наконец выхожу, закутавшись в полотенце, из кухни уже тянет аромат свежесваренного кофе. Киллиан сидит за столом, на фоне бормочет телевизор – какие-то утренние новости. Он поднимает на меня взгляд, и в уголке его рта играет та самая ухмылка, которая и затаскивает девчонок в постель.

– Я сварил кофе. Скоро должны привезти еду, – встает с места и направляется в сторону ванны. – Я уже все оплатил, забереешь, – проходя мимо меня, останавливается и дарит легкий поцелуй в губы.

Когда практически обнаженный парень скрывается за дверью, скидываю полотенце с волос, вешаю на спинку стула. Кофе действительно хорош – крепкий, сладкий, именно такой, как я люблю. Пью медленно, чувствуя, как он разливается теплом внутри, возвращая к жизни все мои клетки.

А потом внезапный звонок в дверь.

Я иду открывать, ожидая увидеть курьера с завтраком. Но вместо «молодого парня» в униформе передо мной стоит женщина.

Статная. Невысокая. Идеально уложенные светлые волосы. Макияж безупречный – ровный тон, подчеркнутые скулы, губы, выкрашенные в нейтральный розовый. Она могла бы выглядеть на тридцать пять, если бы не глаза – в них что-то жесткое, прожитое.

Наши взгляды сталкиваются, и ее лицо мгновенно меняется, будто увидела призрак.

– Здравствуйте, – подаю первая голос.

Женщина резко встряхивает головой, будто отгоняя назойливую муху.

– Здравствуй, – бросает сквозь сжатые губы, морща нос, будто уловила неприятный запах. – А вы кто?

– Ника...

– А точнее? – глаза закатываются так выразительно, что мысленно представляю, как они сейчас останутся смотреть в потолок.

Странная, конечно. Какое ей разница, кто я?

– Позвольте поинтересоваться, для чего вам нужна такая информация? – скрещиваю руки на груди, изображая недовольство.

– Тут живет мой сын, – говорит она, выпрямляясь, будто только что надела на голову корону, – и мне очень интересно, почему тут находится какая-то девушка, да еще и полуобнаженная.

Голос у нее такой, словно я не просто стою в дверях, а, скажем, разграбляю семейные реликвии.

Не сдерживаю смешок.

– Вы не находите, что было бы гораздо страннее, если бы на моем месте стоял парень?

Ее лицо мгновенно покрывается алыми пятнами. Рот открывается-закрывается, словно рыба, выброшенная на берег.

– Ой, я не это...

– Мама? – раздался сзади удивленный голос Киллиана.

Он подошел ближе, капли воды с его волос падают на плечи.

– Что ты тут делаешь?

– Ты не отвечал на звонки, и я решила проведать сына, – ее выражение лица смягчилось, голос стал слащавым. – Разве это плохо?

– Ты как-то не вовремя.

– Я это уже поняла, – женщина окинула меня брезгливым взглядом, будто я была чем-то неприятным, прилипшим к ее ботинку. – Вот только ты не забыл, что у тебя есть невеста?

Мои брови взлетают от удивления. Медленно поворачиваюсь к Киллиану, чувствуя, как по спине бежит неприятный холодок. Мой взгляд готов испепелить его на месте.

Он нахмурился, его пальцы сжались в кулаки.

– Я уже не в первый раз говорю тебе: я не собираюсь на ней жениться! – говорит резко, почти рычит. – В какое время мы живем, чтобы жениться по договоренности?

– Киллиан! – попыталась повысить голос его мать, но это больше походит на испуганный писк. – Вот как...

– Стоп! – он резко перебил ее, подняв руку. – Я все сказал! Больше не желаю возвращаться к этой теме! – затем, сделав паузу, добавил с издевкой: – И вообще, может, я на Нике хочу жениться!

– Что?! – мы выкрикиваем в один голос с его матерью.

Он, должно быть, совсем тронулся умом.

– А что? – Киллиан расплылся в злорадной улыбке, явно наслаждаясь эффектом своих слов.

Я глубоко вздыхаю, пытаюсь собраться.

– Так! – хлопаю в ладоши. – Ни за кого я не собираюсь выходить замуж! – резко разворачиваюсь, оставляя их наедине. – Разбирайтесь с этой херней без меня!

Даже если Киллиан сказал это назло матери, он не имел права втягивать меня в их семейные разборки.

Шлепаю босыми ногами по холодному полу в спальню, мысленно составляя список людей, которых мне хотелось бы сейчас убить. Первое место прочно удерживает мамаша Киллиана, второе – сам Киллиан за эту дурацкую шутку про женитьбу. Вещи разбросаны по всей комнате – трусы и чулки у кровати, платье на прикроватной тумбочке, лифчик бог знает где. В следующий раз, прежде чем заняться сексом, буду аккуратно складывать одежду в одно место.

Надев нижнее белье и платье, делаю глубокий вдох, потом резко выдыхаю. Нужно успокоиться.

На кухне Киллиан раскладывает по тарелкам доставленную еду. Его спина напряжена.

– Прости за весь этот цирк, – говорит он, поворачиваясь ко мне с виноватым взглядом. – Они уже до такой степени надоели, что готов быть на луну.

Сажусь за стол и поддвигаю тарелку с каким-то салатом и сэндвичем.

М-да, мне нужно что-то более калорийное.

– Они уже два года меня долбят с этой женитьбой. Дело даже не в том, что я не готов, дело в том, что она меня не привлекает, – делает паузу, его пальцы нервно барабаниют по столу. – Она сплошной силикон и ботокс. Мне по душе натуральность. Та натуральность, которая у тебя.

Его взгляд скользит по мне и по спине пробегают приятные мурашки, несмотря на весь гнев.

Вот же черт!

– И то, что мужчинам нравятся худые – это миф. Нам, мужикам, нравятся формы, – пожимает плечами. – Нет, есть те, которым нравится нездоровая худоба, но это не про меня.

– М-да, даже не знаю, что сказать, – делаю глоток остывшего кофе. – Все это стремно.

За завтраком Киллиан раскрывает историю своей семьи. Его отец владеет заводом по производству автозапчастей, мать – сетью премиальных фитнес-клубов. Я медленно пережевываю сухой сэндвич и невкусную зелень, слушая, как он рассказывает о том, каково быть единственным ребенком в такой семье. В его голосе нет жалоб, только усталое признание фактов, но по тому, как напрягается его челюсть, когда говорит о родителях, все становится понятно.

– Закажи мне такси, – прошу, когда понимаю, что задержалась у него дольше, чем планировала. – Мне пора домой.

– Я сам тебя отвезу.

Он быстро одевается, и через минуту мы уже едем по городу. В машине рассказываю ему о своей стажировке в бо-

стонской клинике, о том, что учусь на психиатра. Киллиан слушает внимательно, иногда задавая вопросы, и я ловлю себя на мысли, что мне нравится, как он это делает – без ложного интереса, без попыток произвести впечатление.

Когда машина останавливается у моего дома, поворачиваюсь к нему.

– Спасибо тебе.

Моя рука тянется к дверной ручке, но вдруг его пальцы впиваются в мое плечо. Он резко притягивает меня к себе, и его губы находят мои – настойчивые, без права на отказ.

– Номер свой не забудь оставить, – наконец отрывается от меня.

– Киллиан... – делаю глубокий вдох, – все было супер, я не отрицаю, но...

– Но? – приподнимает бровь, и его взгляд становится изучающим.

– Но я не уверена, что нам стоит продолжать в том же духе. Большую часть времени я провожу в клинике, и скоро мне придется уехать. Нам не стоит привязываться друг к другу.

– Понимаю тебя, – берет мою руку. – Не беспокойся, я не привяжусь, – голос звучит почти небрежно. – По своей натуре к этому не склонен. Вот что я предлагаю... – отпускает мою руку. – Надеюсь, это тебя не обидит...

Смотрю на него, ожидая продолжения.

– А если мы будем просто удовлетворять потребности друг друга? Просто секс без обязательств.

Замираю. Такого поворота точно не ожидала. Но чем дольше думаю, тем больше нравится эта идея. Секс без обязательств, без лишних эмоций, без боли в конце – звучит почти идеально.

– Согласна! – губы сами растягиваются в улыбке.

Киллиан снова тянет меня к себе, и его поцелуй на этот раз мягче, но не менее властный.

– Номер телефона все равно придется оставить, – говорит, разрывая очередной поцелуй.

Киллиан набирает номер, четко проговаривая цифры, а затем я быстро выскальзываю из машины, теплый воздух обволакивает кожу. Дверь его тачки захлопывается за мной с глухим стуком, и я почти бегу ко входу, не оглядываясь.

Лифт поднимается слишком медленно. Наконец в своей квартире первым делом хватаю телефон – нужно позвонить родным. Бабушка с дедушкой уже замучили маму вопросами обо мне, судя по ее последним сообщениям. Набираю их номер, слышу радостные голоса в трубке и улыбаюсь во весь рот.

После разговоров ем плотно, переодеваюсь в удобные джинсы и кофточку с вырезом – пора за обновлениями. Такси приезжает быстро, и уже через двадцать минут шагаю по блестящему полу торгового центра.

Обхожу все бутики, пальцы скользят по разным тканям – шелк, хлопок, деним. В итоге в моих руках оказываются два платья: одно – черное с вырезом на бедре, другое – твидо-

вое, чуть выше колен, и идеально сидящие джинсы. Но самое главное и интересное впереди – магазин нижнего белья.

Продавщица, опытным взглядом оценив мои параметры, приносит несколько моделей. Комплект с кружевными вставками, где бюстгальтер без косточек, а другой с косточками, но без лишних швов. Я примеряю – и вот оно, то самое: поддерживает, не жмет, подчеркивает. Выхожу из магазина с пакетами и улыбкой, будто выиграла в лотерею.

На улице уже темнеет, а я даже не заметила, как пролетел день. Вызываю такси и выхожу к парковке, переминаясь с ноги на ногу.

Вдруг рядом останавливается белая BMW с тонированными стеклами. Одно из них медленно опускается и...

– Какая встреча! – раздается знакомый голос из машины. – И опять ты будешь утверждать, что это не судьба?

– Да, – твердо отвечаю, перекладывая пакеты из одной руки в другую. – Я не верю в судьбу. Это выдумки для романтиков и мечтателей.

Дверь BMW открывается, и Димитрий выходит, медленно приближаясь. Его темный костюм идеально сидит на фигуре, а запах дорогого парфюма смешивается с вечерним воздухом.

– Зря ты так! – качает головой, и в его глазах вспыхивает знакомый огонек. – Я вот твердо верю в судьбу.

– Скорее, эта мысль приходит с возрастом, – хмыкаю и закатываю глаза. – Но я еще не достигла того уровня мудрости.

– То есть с меня уже песок сыпется? – громко смеется, и в уголках глаз собираются мелкие морщинки.

– Не сказала бы так категорично, но... – специально делаю паузу, – вам, – особенно подчеркиваю это слово, – явно за тридцать. Дай угадаю... тридцать пять? Плюс-минус пару лет.

– Мне тридцать четыре, – усмехается, и его взгляд медленно скользит по моей фигуре, задерживаясь на груди дольше, чем следовало бы.

– Мои глаза здесь, – сухо замечаю, и он наконец поднимает взгляд.

– А вот твой возраст я определить не могу, – игриво парирует мужчина.

– Не беда, я помогу, – ухмыляюсь. – Мне двадцать три. Дмитрий расплывается в улыбке, напоминающей лисью.

– Совсем молоденькая, как мой младший брат.

– Вот видите! – торжествующе восклицаю. – Вы для меня слишком стары! – специально подчеркиваю «вы», зная, как это его раздражает.

– Не преувеличивай! – морщится. – И хватит мне «выкать», бесит ужасно. Я не настолько древний.

Не могу сдержать широкую улыбку, наблюдая, как он краснеет от злости. Заметив это, Дмитрий хмурится.

– Смешно?

– Очень, – честно признаюсь.

– Ох и языкастая же ты, – качает головой, но в его глазах

читается явное удовольствие от нашей словесной перепалки.

Закатываю глаза, но не могу сдержать улыбку.

– Да не пыхти так. Шучу я, – подмигиваю ему, наблюдая, как его выражение лица меняется. – Ты очень хорошо сохранился для своего возраста.

Губы расплываются в довольной улыбке, и он делает шаг ко мне. Еще один. Вот мужчина уже совсем близко, и его пальцы запутываются в моих волосах, наматывая локон на палец.

– Это же прекрасно, что ты пошутила, – говорит, и голос становится слишком мягким, слишком сладким. – Получается, мы можем познакомиться поближе.

Наглость – второе счастье. Именно так можно описать этого мужчину.

– Э-э-э, нет, милый! – отстраняюсь, но он слегка тянет меня за волосы, не давая уйти. – Такая разница в возрасте меня все равно не устраивает. Целая возрастная пропасть между нами.

– Это всего лишь цифра, милая, – шепчет, наклоняясь так близко, что его дыхание касается моих губ.

Меня начинает бесить его настойчивость. Неужели он не понимает с первого раза? Ладонь упирается в его грудь, и я резко отталкиваю Дмитрия.

– Я все сказала! И повторять не собираюсь!

– Уф, кошечка выпустила коготки, – ухмыляется, и мне тут же хочется стереть эту самодовольную ухмылку с его ли-

ца.

К счастью, мое такси наконец подъезжает. Разворачиваюсь и иду к машине, чувствуя его взгляд у себя за спиной.
– Зачетный зад! – раздается его голос.

Не оборачиваясь, поднимаю средний палец и захлопываю за собой дверь. В последний момент вижу, как он стоит на парковке, наблюдая за отъезжающей машиной, пока она не скрывается из виду.

В такси проверяю телефон. Киллиан написал пару раз, но я решаю не отвечать. Пока не готова.

Дома первым делом иду на кухню. Готовлю мясо с овощами – пельменей здесь нет, а так хотелось бы. Но ничего, проживу. Пока ужин в духовке, принимаю долгую ванну, позволяя горячей воде смыть день.

Через сорок минут ужинаю, а потом сажусь за ноутбук. Дипломная работа не напишется сама. Время летит незаметно, и я даже не понимаю, сколько часов провела за экраном, пока звонок не вырывает меня из потока мыслей.

Телефон вибрирует на столе. На экране – имя: Киллиан. Палец замирает над кнопкой ответа. Вздыхаю и наконец беру трубку.

– Слушаю.

– Нику-у-у-у-ля...

Да он пьян в стельку.

– Киллиан, ты пьян, – констатирую факт, качая головой. За окном уже глубокая ночь.

– Да, пьян, – соглашается он, и язык явно не слушается его. – Скажи номер квартиры... Я около твоего дома...

Встаю, подхожу к окну. И правда – внизу, под фонарем стоит знакомый силуэт. В одной руке телефон, другой он держится за столб, будто без этой опоры рухнет на асфальт.

Ох, только этого не хватало – разбираться с пьяным Килианом посреди ночи.

– Жди там, где стоишь, – бросаю в трубку и быстро надеваю халат.

Спускаюсь по лестнице – лифт сейчас почему-то кажется слишком долгим вариантом – и холодный ночной воздух бьет в лицо, когда выхожу на улицу. Он все так же стоит, улыбаясь пьяно.

Не успеваю ничего сказать – его губы уже на моих.

– Солнце ты мое, – бормочет он, костяшками пальцев проводя по моей щеке. – Такая красивая... такая домашняя...

Его дыхание – это отдельное испытание. Кажется, если вдохнуть слишком глубоко, можно отравиться алкогольными парами.

Кое-как, с перерывами на то, чтобы не рухнуть вместе с ним, тащу его к люфту. Он тяжелый, непослушный, но хотя бы пытается идти сам.

В квартире первым делом начинаю его раздевать – куртка, футболка, джинсы. Все пахнет алкоголем и сигаретами.

Боже мой! Алкаш какой-то!

– Ник... – он поднимает на меня мутные глаза, и в них

читается какое-то пьяное озарение. – У меня не встанет в таком состоянии... Хотя, если ты разденешься...

– Придурок, – отвечаю ему легкий подзатыльник, – я хочу тебя в душ отправить, а не потрахаться. Да и с таким овощем я бы вообще не стала заниматься сексом.

Киллиан хохочет, будто это самая смешная шутка на свете, но позволяет затолкать себя в душевую кабинку. Включаю воду – не слишком холодную, но и не теплую, чтобы немного протрезвел.

К моему удивлению, он более-менее справляется сам, лишь иногда прислоняясь к стене. Вытираю его, как ребенка, и укладываю в постель.

– Ты чудо! – бормочет он уже наполовину во сне.

– Спи уже, давай, – шепчу, накрывая одеялом.

Киллиан проваливается в сон мгновенно, его дыхание становится ровным и глубоким. Ставлю рядом с ним стакан воды и предусмотрительно приношу ведро – мало ли что. Блевотню мне еще не хватало убирать.

Взглянув на часы, вижу – уже второй час ночи. Пора спать. Ложусь рядом с этим пьяным телом. Благо кровать большая.

Перегар все еще витает в воздухе, но хоть не душит вплотную. Диван кажется заманчивой альтернативой, но спать там неудобно. К счастью, Киллиан не ворочается и не храпит – я быстро засыпаю, не просыпаясь до самого утра.

Резкий звон будильника разрывает тишину спальни. Пытаюсь подняться, но тяжелая мужская рука крепко прижима-

ет меня к матрасу. С трудом высвобождаюсь из его объятий, выключая надоедливый сигнал и бреду в ванную.

Контрастный душ бодрит лучше кофе. Струи воды смыывают остатки сна, а зубная паста освежает рот. Сегодня решаю обойтись без макияжа – просто наношу увлажняющий крем и аккуратно зачесываю брови гелем.

Возвращаюсь в комнату, завернувшись в полотенце. Открываю шкаф и выбираю облегающие черные джинсы и полупрозрачную красную блузку. Полотенце падает на пол, когда начинаю одеваться.

Сначала – кружевные трусики. Потом – лифчик без поролона, который хоть и не придает груди соблазнительной формы, зато не душит. Моя грудь и так привлекает слишком много внимания, даже без пуш-ап эффекта.

– Каждое утро любовался бы таким видом, – раздается хриплый голос с кровати.

Я не поворачиваюсь, продолжаю застегивать блузку. Чего стесняться? Он уже видел все, что можно.

– Выпей воды и иди в душ, – бросаю через плечо. – У тебя десять минут. Так что пошевеливайся.

Оставляю его копошиться в постели и иду на кухню. Кофемашина гудит, наполняя воздух горьковатым ароматом. Разбиваю яйца на раскаленную сковороду, добавляю нарезанные помидоры.

Киллиан выходит из ванной, когда завтрак уже готов. На нем только полотенце, обернутое вокруг бедер. Мокрые во-

лосы падают на лоб. Ставлю перед ним тарелку с омлетом и чашку черного кофе.

Мы едим молча. Он морщится после каждого глотка – похмелье дает о себе знать.

– Спасибо огромное, – наконец говорит он, целуя меня в щеку. – Ты моя спасительница. Что бы я без тебя делал?

– На тротуаре пьяный валялся бы, – хихикаю, отпивая кофе. – А может, рвотой захлебнулся.

Он гримасничает, но не спорит. Пока я мою посуду, Киллиан натягивает вчерашние вещи – джинсы, мятую футболку. Еще раз извиняется за вчерашнее, но я уже машу рукой – все в прошлом.

Заказываем такси. У подъезда расходимся – кто куда. В машине пишу смс родным, потом утыкаюсь в окно, наблюдая, как город просыпается.

Коридоры клиники встречают меня привычным стерильным светом и запахом антисептика. В голове крутится один вопрос: почему в палате моего подопечного не работает камера наблюдения?

Пальцы сжимают папку с документами. Ответ может дать только один человек. Поворачиваю к кабинету мистера Маскерано. Передо мной дверь с табличкой «Главный врач».

Поднимаю руку. Стучу.

Глава 7

Не дожидаясь ответа, распахиваю дверь и вхожу в кабинет. Мистер Маскерано сидит за массивным дубовым столом, погруженный в изучение документов. При моем появлении медленно поднимает голову.

– Здравствуйте, – говорю громко.

– Здравствуйте, мисс Фишер, – отвечает он усталым голосом, откладывая ручку.

Опускаюсь на стул напротив, он слегка скрипит под моим весом.

– У меня возник один очень интересный вопрос, – начинаю, закидывая ногу на ногу.

– Слушаю вас.

– Почему за Зайеном Крейдом не ведется видеонаблюдение? – складываю руки на груди, внимательно наблюдая за его реакцией.

Эффект мгновенный. Его лицо приобретает сероватый оттенок, зрачки расширяются. Бумага в его руках начинает дрожать, выдавая внутреннюю панику. Глаза бегают по кабинету, избегая моего взгляда.

– Мисс Фишер, с чего вы это взяли? – делает попытку сохранить спокойствие, но голос предательски дрожит.

– Позавчера я решила просмотреть видеозаписи с моим подопечным, – медленно произношу, – но по непонятным

причинам записей не оказалось. И ничего не записывалось, — поднимаю бровь, продолжая изучать его реакцию.

Мистер Маскерано выглядит так, будто вот-вот потеряет сознание. Его левый глаз начинает нервно подергиваться. Ладони становятся влажными — я вижу, как он незаметно вытирает их о брюки.

— Ника, скорее всего, это просто технический сбой, — бормочет он, но его взгляд говорит об обратном.

— Ну ладно, — пожимаю плечами и поднимаюсь со стула.

— Ника... — голос звучит странно, почти умоляюще.

Поворачиваюсь и вижу, как он встает из-за стола. Шаги неуверенные, будто пол под ногами стал зыбким. Мистер Маскерано подходит слишком близко, и вдруг — его холодные пальцы сжимают мою руку.

От неожиданности брови взлетают.

— Ника, — понижает голос до шепота, — давай я напишу тебе все положительные рекомендации, и ты вернешься домой. К сожалению, за эти несколько дней очень многое случилось. Если бы я только знал, что... — обрывает себя на полуслове, глотая воздух.

— Мистер Маскерано, — медленно вынимаю руку из его влажной хватки, — в чем дело? Я вас не понимаю.

— Ох, — качает головой, — лучше тебе не знать.

Кровь резко приливает к вискам.

— Ну раз так, — поворачиваюсь к двери, — то никуда не поеду. Если на этом все...

– Ника, послушай меня! – рука хватается меня за плечо.

Резко разворачиваюсь и тычу пальцем ему прямо в грудь.

– Нет! Это вы меня послушайте! Я знаю, что с этим Крейдом что-то не то! И я это выясню!

Его лицо становится пепельно-серым.

Не дожидаясь ответа, разворачиваюсь и выхожу, хлопая дверью так, что стеклянная панель в ней дрожит.

Проходя мимо поста медсестер, говорю, чтобы мне привели Крейда. И прежде чем идти в кабинет для сеанса, забираю его толстую медицинскую карту. Сажусь за стол, листая страницы. В самом конце нахожу вкладыш с описанием преступлений – сухие, формулировки, за которыми скрывается настоящий ужас.

Достаю телефон. Вбиваю в поиск: «Зайен Алан Крейд убийства».

Ничего конкретного нет, только то, что он совершил эти убийства. Почитав еще немного, впадаю в ступор. Убийства были совершены в одной манере. Изощренные пытки, а в конце летальный исход от болевого шока. Все жертвы мужчины, и все с отрезанными гениталиями. При обнаружении тела, их половые органы были у них во рту.

Это уже не просто преступления – это ритуал. Четкая, продуманная схема, говорящая о глубокой психической патологии.

Скорее всего, это идет из самого детства. Даже, возможно, сам подвергался какому-то физическому насилию со сторо-

ны мужчин, не зря же он отрезал им их половые органы. Вот только почему эти мужчины?

Только хотела продолжить искать информацию в интернете, как в кабинет вводят Крейда. Он идет неслышными шагами, будто плывет. Взъерошенные темные волосы падают на лоб, обрамляя пронзительно-холодные глаза. Его губы слегка приоткрыты...

Резко встряхиваю головой.

Тьфу! О чем ты думаешь, Ника? Выкинь эту херню из своей головушки, и не смей даже об этом думать. Он – псих и убийца!

Перевожу взгляд на его смиренную рубашку, на ремни на запястьях. Да. Вот реальность.

– Здравствуй, Зайен.

Тишина в ответ.

Ну ничего, я теперь себя буду вести терпеливей.

Санитары выходят, дверь закрывается с тихим щелчком. Камер нет. Никто не подслушает.

– Зайен, я хочу поговорить о детстве.

Он сидит напротив, но его поза расслаблена – будто эти ремни для него просто досадная формальность. Его глаза – холодные, пронзительные – неотрывно следят за мной. Под этим взглядом кожа покрывается мурашками, будто в комнате вдруг упала температура.

Вздыхаю, отодвигаю стул и встаю. Медленно прохожу по кабинету, касаясь пальцами стола, будто проверяя его по-

верхность.

– Молчишь? Ну ладно... Тогда я расскажу тебе о своем.

Мое детство было удивительно светлым, несмотря на редкое времяпровождение с мамой. Она тогда заканчивала медицинский университет – я видела ее только по вечерам, когда она возвращалась с занятий уставшая, но всегда находила силы обнять меня. Когда я родилась, мама успела окончить лишь первый курс, после чего взяла академический отпуск. Позже она перевелась из московского вуза в питерский.

В те годы мы жили в квартире, которая сейчас принадлежит нам с мамой. Бабушка с дедушкой переехали в пригород только тогда, когда мама окончательно встала на ноги и получила хорошую должность в больнице. Дедушка в то время еще преподавал на кафедре медицины, а бабушке пришлось оставить работу, чтобы помогать маме ухаживать за мной.

Мы не жили в роскоши, но и нужды не знали. Дедушкиной зарплаты хватало на все необходимое. Дядя к тому времени уже жил отдельно, но постоянно помогал нам чем мог – привозил продукты, дарил мне игрушки, а иногда просто оставался со мной, когда взрослые были заняты.

Особенно я любила наши семейные вечера, когда за большим столом собирались все: мама, вернувшаяся с работы, бабушка с ароматным пирогом, дедушка с новыми историями о студентах. Дядя часто присоединялся к нам, принося с собой особую атмосферу веселья и беззаботности. Эти теплые моменты, пропитанные любовью и заботой, стали фун-

даментом моего счастливого детства.

Я была довольно сложным ребенком. В подростковом возрасте доставляла маме немало хлопот – мой упрямый характер и бунтарский дух проявлялись во всем. Тогда же случилась моя «первая любовь», которая сейчас кажется лишь детским капризом. Популярный мальчик из параллельного класса стал объектом моего обожания. Я из кожи вон лезла, чтобы завоевать его внимание, а когда добилась своего – мгновенно охладела. Но расстаться оказалось сложнее, чем сойтись – со временем мы стали друзьями.

Именно с этим другом в шестнадцать лет я лишилась девственности. Все произошло спонтанно во время совместной работы над школьным проектом. В пустой квартире, под влиянием коньяка, который он спер у отца, случилось моя дефлорация. А потом мы долго не могли смотреть друг другу в глаза. Стыд со временем прошел, превратившись в теплую дружбу, которая сохранилась до сих пор.

Позже в моей жизни было двое серьезных отношений – с Ваней, продлившиеся почти два года, и с Лешей. А, точно, про Киллиана забыла, но он просто друг по сексу.

Про парней я, конечно, не упомянула, когда рассказывала Зайену. Сделала акцент на другом – на том, что росла без отца и никогда его не знала.

– Ну вот... Что-то типа того, – заканчиваю свой монолог, когда внезапно раздается звонок телефона.

На экране – имя «Моя Дашуля». Хм, звонит в рабочее

время – значит, что-то срочное.

– Привет, – говорю на русском, прижимая телефон к уху.

– Привет, персик! – доносится из трубки так радостно, что я сразу настораживаюсь.

– Даш, что-то случилось?

– Ты прямо чувствуешь! – смеется, и слышно, как она нервно постукивает ногтями по какой-то поверхности.

– Выкладывай, давай!

– В общем... – делает драматическую паузу, затем выдыхает, – походу, я влюбилась.

– Что?! – вскрикиваю так громко, что Крейд поднимает на меня удивленный взгляд.

– Я ВЛЮБИЛАСЬ! – Даша уже почти кричит в трубку, и я представляю, как она сейчас размахивает руками, как всегда, когда волнуется.

– Охренеть! – выдавливаю из себя, чувствуя, как у меня округляются глаза.

И удивление мое не случайно – за все время нашей дружбы Даша влюблялась только один раз. И тот роман закончился так, что она два месяца не могла смотреть на мужчин без содрогания.

Воронцовой тогда было восемнадцать, мы только пришли учиться на первый курс. Тогда она и познакомилась с Серегой – старшекурсником, который казался ей воплощением мечты. Все началось как в романтическом фильме – взгляды на совместных парах, случайные встречи, первый поцелуй.

Но сказка быстро превратилась в кошмар. Как только этот урод добился своего, моментально потерял интерес. Даша переживала это тяжело – не ела, не спала, потеряла шесть килограмм. Видя ее страдания, мы с ее старшим братом и его друзьями разработали план мести, который превзошел все ожидания.

На одной из вечеринок мы подмешали ему в напиток сильное снотворное. Когда он отключился, аккуратно перенесли в отдельную комнату. Там мы сняли с него всю одежду и сделали серию компрометирующих фотографий – специально выбрав такие ракурсы, где он казался участником гомосексуальной групповухи.

Пацаны потом в кипятке купались и сказали, если кто-то об этом узнает, они нас закопают в лесу. Изначально они предлагали просто избить обидчика, но мы понимали – физическая боль ничего не изменит, а вот удар по репутации...

На следующий день фотографии разлетелись по всему университету. Эффект превзошел ожидания – даже вызвали полицию. Серега был вынужден перевестись в другой город.

Самое важное – после этого Даше действительно стало легче. Хотя с тех пор она строила вокруг себя невидимую стену, не подпуская к себе ни одного парня ближе чем на метр. До сегодняшнего дня...

– Не томи, рассказывай! – нетерпеливо закусываю губу.

– А я тебя не отвлекаю? – слышится неуверенный голос Даши.

Бросаю взгляд на Крейда. Он сидит скованный смирительной рубашкой, но его глаза... Эти ледяные, пронзительные глаза следят за каждым моим движением.

– Мой подопечный все равно никуда не убежит, – усмехаюсь. – Рассказывай, давай!

– В общем, к нам на замену по андрагогике поставили молодого преподавателя, – голос Даши становится томным, сладким. – Ему тридцатник, может больше. Ну, это не так важно...

Сто процентов, она закусывает верхнюю губу – привычка, когда волнуется.

– Как только он вошел, я поняла... Вот он, тот самый... – ее шепот становится страстным. – Ты не представляешь, какой он красавчик! Высокий, широкоплечий, кареглазый... Даже через рубашку видны его груды мышц.

Закатываю глаза, представляя эту картину.

– Только от одного его вида я теку как сучка.

– Ну а дальше что? – перебиваю, чтобы она не ушла в слишком откровенные подробности.

– Эх, а дальше ничего, – разочарованно вздыхает Даша. – Сегодня был только первый день.

– Если влюбилась – бей по голове дубинкой и тащи в свою пещерку!

Громкий смех Даши взрывается в трубке. Я тоже не сдерживаюсь – хохочу.

– Ты там что, как твой пациент? – интересуется.

– Все также, – отвечаю, чувствуя на себе пристальный взгляд Крейда.

Ледяные голубые глаза неотрывно следят за мной, будто пытаюсь прочесть мои мысли.

– Печально. Выбери другого.

– В том-то и дело, что могу, – медленно провожу языком по губам, не отрываясь от этого гипнотического взгляда, – но я хочу именно его.

– Звучит как-то... двусмысленно, – Дашка заливается смешком.

– Пусть будет так, – пожимаю плечами. – А знаешь, если бы встретила его при других обстоятельствах, то была бы не против с ним замутить.

– Оу! – восклицает подруга. – Если ты так говоришь, значит, там сидит настоящий красавчик!

– Еще какой! – расплываюсь в улыбке, наблюдая, как Зай-ен приподнимает бровь. – Одни глаза чего стоят. Они у него небесно-голубые, но иногда становятся темными, как океан в шторм. Он высокий, – продолжаю, облизывая губы, – спортивный... Ну, ты знаешь мой вкус, – делаю драматическую паузу. – И скажу больше – у него отличный член.

– Что?! – Дашка чуть не давится. – Это когда ты успела разглядеть его... э... стручок?

– На обязательном медицинском осмотре, – невозмутимо отвечаю. – И прикинь, у него встал. Хотя ему лошадиные дозы нейролептиков колют.

– Ничего себе...

– Но... – внезапно меняю тон на более серьезный, – встретились мы в психиатрической клинике. В придачу ко всему, он маньяк-убийца. В общем, целый букет диагнозов.

Крейд слушает меня так внимательно, словно понимает меня. Он же не знает русский?

– Больше подробностей сказать не могу, – добавляю уже шепотом. – Врачебная тайна, понимаешь?

– Понимаю. Но, Ник... будь осторожна, ладно?

– Ладно, мне пора. Этот... пациент требует особого внимания.

Опускаюсь на стул напротив Зайена, переключаясь на английский.

– Итак, продолжим...

Молчит. Ну да ладно. Я тоже помолчу и просто понаблюдаю.

Зрачки расширены до предела, дыхание учащенное, но лицо – каменная маска. Встаю, делаю несколько шагов к нему. Мои пальцы касаются подбородка, приподнимая его.

Господи, я тону в этих глазах. Его взгляд сносит мне крышу. Что со мной происходит?

Пальцы скользят к шее, проверяя пульс. Кожа под моим прикосновением моментально покрывается мурашками.

Не может быть...

Наклоняюсь ближе. Наши губы – в миллиметре друг от друга. Он резко вдыхает, и я чувствую его дыхание на своих

губах.

– Хочешь меня? – шепчу, намеренно делая голос низким, соблазнительным.

И вот оно – первая настоящая эмоция. Он сглатывает, кадык дергается. И что-то в его взгляде меняется.

Да, твою мать!

– Что и требовалось доказать! – резко отстраняюсь, торжествуя улыбаясь.

Зайен сужает глаза, но я уже зову санитаров.

– Сеанс окончен.

Иду следом за ними по коридору, настроение – на высоте.

Иду следом за санитарями, сопровождающими Крейда, внутренне ликуя. Наконец-то у меня есть доказательства его вменяемости – этот психопат должен предстать перед судом, а не прятаться за стенами клиники.

Внезапно из-за угла вылетает мисс Амборн, ее обычно безупречный халат растрепан, а глаза расширены от паники. Она что-то кричит санитарам, и те мгновенно бросаются ей на помощь, оставляя меня наедине с Зайеном.

Приходится взять его сопровождение на себя. Заходим в старый скрипящий лифт. Нажимаю кнопку с надписью «-1», и кабина с грохотом дергается, начиная движение.

И тут происходит то, чего я боялась с детства. Лифт внезапно вздрагивает и замирает. Одновременно гаснет свет, погружая нас в абсолютную темноту.

Мое тело реагирует раньше мозга – пронзительный крик

вырывается из горла, а руки сами находят Зайена, впиваясь в его смирительную рубашку. Я прижимаюсь к нему так плотно, что чувствую каждый мускул его тела через ткань.

Детский страх, который я так и не смогла победить, накрывает с головой. Колени подкашиваются, зубы стучат, а по щекам текут горячие слезы. Зайен дергается в моих объятиях, но ремни надежно сковывают его движения.

Внезапно свет вспыхивает так же неожиданно, как и погас. Я застываю, осознавая свое положение – руки раскинуты на его груди, лицо заплаканное, а тело все еще дрожит. Медленно поднимаю глаза и встречаю его взгляд.

На его обычно холодном лице читается неподдельное беспокойство. Губы слегка приоткрыты, брови сведены, а в глазах – не привычная насмешка, а что-то похожее на... на что?

Прищуриваюсь и срываюсь на резкий смешок, пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

– Что ты так встревожен? Испугался, что затоплю тебя своими слезами?

Отстраняюсь от него, грубо вытирая рукавом халата мокрые щеки. Лифт с противным скрежетом дергается и продолжает спуск. Клянусь себе – больше ни ногой в эту древнюю развалину.

Когда двери наконец открываются на нужном этаже, выскакиваю как ошпаренная. Зайен покорно следует за мной, его шаги мерные, спокойные – будто ничего не произошло.

Дойдя до его палаты, я с силой распахиваю дверь. Он вхо-

дит и опускается на пол в позе лотоса, его лицо снова превращается в бесстрастную маску.

Ах, так?

Хлопаю дверью так, что металлический грохот эхом разносится по коридору.

К лифту подхожу с опаской, но на этот раз без происшествий выхожу на нужном этаже. По коридору иду, сжимая кулаки. Злость так и бурлит в венах.

Хочется его – херак! Херак по башке! Чтобы знал, что меня не нужно бесить!

Это же как можно вывести человека, даже не прилагая никаких сил? Да он просто профессионал!

Да пошел ты, Зайен Крейда! Я не та, кто сдастся. Мы еще посмотрим, кто кого сделает!

Глава 8

Спокойствие наступает только тогда, когда мой желудок наконец-то полон. Еда – лучшее средство для снятия стресса.

После обеда перехожу в основное крыло. Сегодня у меня прием с новой пациенткой – хрупкой женщиной с пустым взглядом, поступившей вчера вечером. Она сидит напротив меня, скрючившись в кресле, ее пальцы постоянно заламывают друг друга.

– Когда это происходит... – произносит практически механически, – приходится мириться. Приспосабливаться. Прятать весь этот кошмар так глубоко, чтобы никто не догадался.

Ее глаза смотрят сквозь меня, будто фиксируя что-то на стене за моей спиной. Я молча киваю, давая ей продолжить.

– Сначала думаешь – можно просто уйти. Но это... – сжимает пальцы до побеления костяшек, – это не выход. А говорить... – резко встряхивает головой, – бесполезно. Все равно не поймут.

Где-то с семи лет отец Агаты стал ее трогать так, как не должен родной тебе человек. С четырнадцати лет он ее учил «премудростям любви», соответственно, близости. А она искренне верила, что так проявляется отцовская любовь. Что все девочки проходят через это. Пока случайный разговор с

подругами не расколол ее мир на до и после.

Но даже осознание ненормальности происходящего не изменило ситуацию. Привычка, страх, непонятное чувство привязанности – все это удерживало ее в этой кошмарной реальности. Агата продолжала верить, что отец – самый лучший, самый любящий человек на свете. Что никто никогда не сможет заменить его в ее сердце.

Ее мать знала и молчала, вместо того чтобы хоть как-то его надоумить, что так делать нельзя. Она боялась потерять мужа, боялась остаться одна. Поэтому на все просто закрывала глаза, считая: «Лучше уж с родной дочерью, чем с какой-то любовницей». Предательство матери было страшнее отцовского насилия.

Спасло от «отцовской любви» лишь то, что, окончив школу, Агата уехала поступать в университет в другой город. Но свобода оказалась мучительной, ведь привыкла к тому, что было. Первые месяцы она звонила ему, плача в трубку. Каждый раз, приезжая на каникулы домой, они первым делом уединялись и наслаждались своей «любовью». Но это было недолго, потому как вскоре познакомилась с интересной компанией из университета. Затем у нее появился молодой человек, с которым у нее никак не получалось уединиться – что-то мешало. И через какое-то время они расстались.

Жила Агата в общежитии где-то года два, до того самого момента, пока не подверглась изнасилованию со стороны двух незнакомых ей парней в душе. После этого – бесконеч-

ные ночи, когда сон приходил только под утро, а каждое прикосновение вызывало панику.

После этого случая она сняла квартиру – маленькую, дешевую, но свою. Думала, там будет безопаснее. Ошиблась.

Однажды, возвращаясь поздно домой с работы, на нее напали в темной подворотне. Больше всего запомнила, как скрипел асфальт под ее кроссовками, когда пыталась вырваться.

Но настоящий ад начался позже. Ее тогдашний новый парень и его друзья после пьяных посиделок изнасиловали ее толпой, проделывая это несколько раз.

В тот же вечер, едва они ушли, она взяла бритву, набрала воды в ванну и вскрыла себе вены. В больнице ее еле откачали. Жива осталась только чудом, соседка с нижнего этажа прибежала из-за потопа.

Слушая ее историю, внутри поднимается настоящая ярость. Как вообще возможно, чтобы отец, который должен защищать, годами насиловал собственного ребенка? Это же каким больным моральным уродом нужно быть, чтобы такое сделать?

Хочется выть навзрыд после ее рассказа. Таких, как он, нужно кастрировать! Да какой кастрировать, четвертовать, к чертовой матери, нужно таких людей. Они вообще не должны жить.

Сексуальное насилие, особенно в детстве, оставляет глубокие шрамы на психике. Оно уродует восприятие себя, ми-

ра, отношений. И это не единичный случай, когда с самого детства собственный родитель насилует ребенка. Во многих случаях матерям неизвестно то, что делают с ее ребенком. Но в данном случае мамаша знала обо всем и поощряла это. Да я бы на ее месте убила бы за своего ребенка.

И всегда многие думают, как же пережить протяженное сексуальное насилие? Хотя последствия довольно травматичны, восстановление возможно. Не быстрое, не простое, но возможно. Главное – не оставаться одной с этой болью.

Работа с такой травмой требует особой осторожности – психолог, терапевт, группа поддержки. С ней необходимо двигаться медленно, иногда делая шаг вперед и два назад. Возможно, на это уйдут месяцы, а может быть, и годы. Каждый сеанс будет похож на разминирование – одно неверное движение, и бум...

Главная сложность в том, что ее травма – не единичный эпизод, а фундамент, на котором строилась вся ее личность. Ее представления о любви, доверии, безопасности – все это было извращено с самого начала.

С ней нужно будет возвращаться в ее детство снова и снова. Не для того, чтобы заставить заново пережить весь ужас, а чтобы помочь переосмыслить происходившее. Чтобы она наконец поняла: то, что с ней делали – не норма. Что она не виновата. Что ее тело всегда должно было принадлежать только ей.

Это не будет простым процессом. Будут срывы, откаты,

дни, когда кажется, что все бессмысленно. Но если продолжать – однажды наступит момент, когда боль станет просто частью истории, а не ее центром.

Заканчиваю сеанс с Агатой и только тогда замечаю, что рабочий день закончился больше часа назад. В этой клинике время течет по-особенному – минуты складываются в часы незаметно, пока ты полностью поглощен историей другого человека.

Прощаюсь с коллегами и выхожу на улицу. Вечерний воздух прохладен, и я с удовольствием вдыхаю его полной грудью после душных больничных коридоров. Сажусь в такси и беру в руки телефон, который в ноль разряжен.

Несмотря на насыщенный день, усталости нет – только легкое опустошение после эмоциональной работы с Агатой.

Мысли о готовке вызывают отвращение поэтому удобно устроившись на диване, заказываю еду через приложение. В шкафчике замечаю бутылку вина. Долго смотрю на нее, затем все же наливаю бокал. На вкус оно кажется слишком простым, почти как компот, но тепло, разливающееся по телу, приятно.

Курьер приезжает невероятно быстро – всего через двадцать минут после заказа. Не то что у нас.

Подключаю телефон к зарядке и включаю его, ожидая увидеть десяток пропущенных звонков и сообщений. Но экран остается чистым – ни уведомлений, ни новых сообщений. Неужели все забыли обо мне?

Часы показывают одиннадцать вечера. Прокручиваю каналы – ничего интересного. Уже собираюсь спать, как вдруг телефон оживает. На экране светится незнакомый номер, но все же решаюсь ответить.

– Слушаю, – недовольно говорю.

– Привет! – раздался знакомый голос.

Это Рейна. По голосу понятно, что у девочки хорошее настроение.

– Я надеюсь, не разбудила тебя.

– Привет, – смягчаюсь, – нет, не разбудила.

Рейна делает небольшую паузу, и я буквально слышу, как она кусает губу.

– Я это... Чего звоню – поехали в клубешник?

Мысленно прикидываю: завтра к восьми в клинику, но... Черт возьми, после сегодняшнего дня мне действительно нужно развеяться.

– А знаешь что? Поехали, – соглашаюсь.

– Супер! Жди, через пятнадцать минут буду у тебя! – девчонка почти кричит от восторга, и звонок обрывается.

Сразу же начинаю собираться. Натягиваю облегающие джинсы и шелковый топ, который красиво переливается при движении. Немного подкрашиваю глаза и губы нюдовым оттенком. Волосы просто распускаю.

Телефон снова звонит. Вот же она быстрая. Или я просто такая медлительная.

Срываю мобилу с зарядки, хватаю сумку и вылетаю на

улицу. Рейна ждет меня в такси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.